

ГОРОДСКОЕ ТЁМНОЕ ФЭНТЕЗИ

ОШИБКА ПРИНЯТА

ZLOSOSIS

ZLO SOSIS
Ошибка принята

https://litres.ru/74835063
SelfPub; 2026

Аннотация

В Лисогорске город умеет ошибаться.

Девять лет назад в обычном магазине открылся сорок второй ряд. Люди входили в него и выходили через три дня. Илья Северин официально возвращает из таких мест чужое имущество. Неофициально его называют падальщиком.

Роман о бюрократии, которая вычёркивает людей по форме, и о тех, кто отказывается ставить подпись.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ 4
ГЛАВА ВТОРАЯ 44
ГЛАВА ТРЕТЬЯ 88
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ 131
ГЛАВА ПЯТАЯ 186
Конец ознакомительного фрагмента. 203

Ошибка принята

В случае изменения факта существования исполнителя обязательства заказчика прекращаются.
из договора о добровольном принятии риска

ГЛАВА ПЕРВАЯ
Талон на смерть

Первым признаком того, что в городском центре документов поселилась нечистая сила, была работающая электронная очередь.

Вторым — то, что очередь принимала покойников.

На мониторе над входом горело: «Время ожидания — 0 минут». Под ним, на асфальте, лежал мужчина в синей куртке. Куртка еще дымилась, хотя дождь шёл с утра и упрямо пытался утопить весь Лисогорск. Правая рука мужчины сжимала талончик. На талончике было напечатано:

Б-041. ОКНО № 7. ВЫЗОВ ЗАВЕРШЁН.

Всё бы ничего, но мужчина лежал по эту сторону оцепления, а вход в центр документов запечатали три часа назад.

— Каков диагноз? — спросил я у санитара, присевшего

рядом с телом.

Санитар поднял глаза.

— Смерть.

— Смелая версия. Я бы ещё проверил.

— Слушай, парень, я здесь девятнадцать лет работаю.

— Тогда как специалист объясните, отчего он до сих пор пытается встать?

Санитар обернулся.

Синяя куртка шевельнулась. Пальцы мертвеца разжались. Талон, лёгкий и мокрый, скользнул по асфальту, словно его толкнули изнутри.

— Не трогайте, — сказал я.

Санитар, разумеется, тронул.

На мгновение талон прилип к его перчатке. Мужчина в синей куртке выдохнул, хотя грудь у него была проломлена. Из его горла раздался сдавленный, удивительно вежливый голос:

— Следующий.

Санитар отшатнулся и выругался так обстоятельно, что я мысленно поставил ему пятёрку за дикцию. На перчатке вспыхнули чёрные цифры «041». Я схватил его за ворот и рванул назад. Он полетел в лужу, а талон остался висеть в воздухе. Там, где секунду назад была его рука, щёлкнули невидимые ножницы.

На асфальт упала половинка латексной перчатки. Без пальцев.

— Вам сегодня везёт, — сказал я санитару.

— Ты кто такой?!

— Человек, который пока что не получил номерок.

Слева завыла полицейская сирена. Справа кто-то натужно блевал за рекламным щитом. В нашем городе это считалось нормальным началом рабочего дня.

Девять лет назад в Лисогорске впервые появилось место, которое не согласовывалось с остальным миром. Обычный продуктовый магазин внезапно обрёл сорок второй ряд. Покупатели входили в него с одной стороны, а выходили через три дня, седые, без обуви и с чеками на товары, которых никогда не существовало. На четвёртый день сорок второй ряд исчез. Вместе с девятнадцатью людьми и владельцем магазина.

Поначалу это назвали терактом. Потом — массовым психозом. Потом, когда в больнице № 3 двери стали открываться не в палаты, а в чьи-то похороны, придумали слово «Сдвиг».

Хорошее слово. Короткое, удобное, почти безобидное. За девять лет оно съело больше людей, чем все войны города вместе взятые.

Самые богатые научились жить подальше от старых зданий. Самые осторожные — не заходить в помещения с лишними окнами. А самые невезучие, вроде меня, научились зарабатывать на том, что оставалось после.

Официально моя должность звучала как «специалист по возврату личного имущества из локализованных зон».

Неофициально — «падальщик». В первой версии было больше слов и меньше правды.

Я забирал кольца, телефоны, ключи, детские рисунки. Иногда — зубные протезы. Один раз — свадебный торт, который три недели оставался тёплым и каждое утро становился на один ярус выше. За торт заплатили больше, чем за все обручальные кольца в том месяце. Про него я старался не вспоминать.

Главное правило нашей работы было простым: никогда не заходи в активный Сдвиг.

У меня с правилами вообще сложные отношения. Чаще всего они оказывались правы.

— Северин!

Из-за жёлтой ленты шагнула женщина в сером защитном плаще. Вода стекала с коротких тёмных волос на воротник. На левом запястье горел узкий серебряный обруч — рабочая скоба ревизора. С виду украшение; по факту инструмент, ради которого нормальные люди соглашались отдать половину квартиры и пару внутренних органов.

— Вы опоздали на одиннадцать минут, — сказала она.

— Я спас жизнь санитару.

— Восемь минут.

— Остальные три искал, кто бы спас мою.

Она окинула взглядом лужу, санитара, перчатку без пальцев и труп в синей куртке.

— Нашли?

— Пока никто не берёт трубку.

— Ася Литвинова. Ревизор второй линии. Меня предупредили, что вы разговариваете слишком много.

— Меня предупредили, что вы почти не разговариваете. Похоже, нас обоих обманули.

Литвинова не улыбнулась. Мне сразу стало ясно, что работать мы будем долго и счастливо, но не одновременно.

Она протянула мне планшет. На экране вращался план городского центра документов. Здание небольшое: один этаж, служебный коридор, архив, одиннадцать окон приёма. Утром туда вошли тридцать два посетителя и шестеро сотрудников. Через сорок семь минут связь пропала. Первая группа реагирования прошла через служебный вход — и исчезла. Вторая группа попыталась вскрыть фасад. Теперь перед фасадом стояла машина, рассечённая ровно пополам от радиатора до заднего стекла.

— Мы не будем эвакуировать гражданских, — сообщила Ася.

Я посмотрел на планшет, потом на неё.

— Приятно, когда всё сразу честно.

— Их уже пробовали вывести. Те, кто пересёк порог без разрешения, вернулись в виде этого.

Она кивнула на человека в синей куртке.

— Почему позвали меня?

— Внутри пропал инспектор первой линии. У него чёрный кейс с картой границ Сдвига. Его надо достать до расши-

рения зоны. По договору вам полагается сорок восемь тысяч.

Я не стал говорить, что за эти деньги можно купить приличный подержанный мотоцикл или четыре месяца не отвечать коллекторам. Или заплатить одному человеку, который обещал найти сведения о девушке, не существовавшей ни в одном реестре.

— Шестьдесят, — сказал я.

— Пятьдесят.

— Пятьдесят пять и вы не называете меня падальщиком.

— Пятьдесят два. Я ещё не решила, как вас называть.

— Договорились.

Она подала мне бумагу о добровольном принятии риска. Последний абзац гласил: «В случае изменения факта существования исполнителя обязательства заказчика прекращаются».

— Уютная формулировка.

— Юристы очень старались.

Я расписался. В собственном городе нужно было подписывать бумагу, чтобы тебе разрешили погибнуть на работе. Смерть без заявления считалась прогулом.

. . .

За оцеплением воздух был другим. Так бывает перед грозой: кожу покалывает, зубы ноют, а звуки будто завернули в толстое одеяло. Стеклянные двери центра документов расходились сами, но за ними не было привычного холла. Там тянулась узкая полоса мрака, и в ней, на высоте человеческого лица, висела красная надпись:

ПОСЕТИТЕЛИ ОБСЛУЖИВАЮТСЯ
В ПОРЯДКЕ ОЧЕРЕДИ.

Под надписью мелко мерцали ещё какие-то буквы. Ася взглянула на них и поморщилась.

— Первый приказ. Не пытайтесь читать то, чего нет.

— А если оно написано?

— Тогда особенно.

Она коснулась обруча на запястье. От серебра к дверному косяку вытянулась тонкая нить света. Пространство перед нами вздрогнуло, и тьма отступила на шаг.

— Скоба держит границу семь секунд, — сказала Ася. — Потом окно входа закрывается. Держитесь рядом. Никакого героизма.

— Это у меня по медицинским показаниям запрещено.

— И ещё. Если внутри услышите своё имя, не отвечайте.

— Даже если скажут, что я красавчик?

— Особенно тогда. Это будет заведомая ложь.

Тут я впервые за утро искренне улыбнулся.

Мы вошли.

И сразу оказались посреди людного зала.

Не пустого. Не разрушенного. Не залитого кровью.

Людного.

На пластиковых стульях сидели старики, женщины, двое мужчин в рабочей одежде, парень со сломанными очками. У стены дремала мать с младенцем. На табло светилось «Б-038». Пахло мокрой одеждой, дешёвым кофе и чем-то металлическим. У окна № 4 женщина в красном пальто пыталась открыть рот, но губы не двигались.

Никто не посмотрел на нас.

— Они живы, — тихо сказал я.

— Дышат, — поправила Ася. — Не всегда одно и то же.

Она подняла ладонь. На стекле за её спиной проступили почти невидимые линии: замкнутые контуры дверей, которые должны были находиться в других местах. Вот почему в Сдвигах опасно ориентироваться по планам. У стен могут быть собственные планы на тебя.

Я подошёл к ближайшему человеку. Пожилой мужчина держал талон «Б-039» так крепко, что бумага врезалась ему в пальцы. Он глядел прямо на меня и плакал без звука.

— Слышите? — спросил я.

Глаза мужчины с трудом двинулись вверх-вниз.

— Может, поговорим, когда закончится реклама?

Он моргнул дважды. На его запястье я заметил ряд чёрных точек, словно кто-то ставил печати прямо на кожу.

Ася схватила меня за плечо.

— Не трогайте посетителей.

— Он понимает.

— Тем хуже. Кто сохраняет сознание, дольше чувствует.

Над нами щёлкнул динамик.

— Посетитель Б-тридцать девять. Пройдите к окну номер семь. Повторяю: посетитель Б-тридцать девять...

Пожилой мужчина встал.

Не так, как встают люди. Сначала выпрямились колени. Потом поднялся таз, будто его тянули за пояс невидимым крюком. Руки остались прижатыми к животу, пальцы всё ещё душили талон. Он пошёл к окну № 7, спотыкаясь, ударяясь о ножки стульев.

— Стойте! — я ухватил его за локоть.

Меня бросило через два ряда сидений. Пол ударил по затылку. На секунду темнота заняла всё пространство, а потом над лицом загорелось новое объявление:

НЕ ПРЕПЯТСТВУЙТЕ ОКАЗАНИЮ УСЛУГИ.

Скоба Аси вспыхнула. Серебряная дуга прорезала воздух между мужчиной и окном, как металлическая линейка. Старик упёрся в неё лбом и замер. На его коже проступили новые чёрные точки.

— Семь секунд, — выдохнула Ася. — Не расходуйте их зря!

Я вскочил. У старика за воротником торчал смятый конверт. На нём было написано крупным старательным почерком: «ВНУЧКЕ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ».

Четыре секунды.

Под самой красной надписью на стене я увидел строчку, которой не было ещё мгновение назад. Слова дрожали, как отражение в воде:

«При утрате талона посетитель должен обратиться за повторной выдачей».

Три секунды.

— Отдайте номерок! — крикнул я старику.

Он глядел на меня с безнадёжным ужасом. Пальцы не слушались.

Две.

Я вырвал бумажку из его ладони и разорвал пополам.

Звонкий сигнал ударил по ушам. Табло мигнуло. Тело старика рухнуло на меня со всей обычной, человеческой тяжестью.

— Недействительный талон, — произнёс динамик с ноткой оскорблённого достоинства. — Получите новый номер.

Ася опустилась на одно колено. Кровь стекала у неё из левой ноздри.

— Вы только что сорвали принудительный вызов, — сказала она.

— Я догадался.

— Путём разрыва документа.

— Метод не запатентован. Пользуйтесь.

— Вы понимаете, что оно теперь будет искать вас?

Я хотел сострить. Но на табло над выходом уже вспыхнуло:

Б-000. ОЖИДАНИЕ ПОДТВЕРЖДЕНО.

А на моём правом запястье, где ещё минуту назад не было ничего, проступили три нуля.

. . .

Старика звали Виктор Васильевич. Он сообщил это, когда смог снова шевелить языком. Ему было семьдесят один, у него был диабет, внучка Ксюша и тридцать восемь тысяч рублей долга за ремонт крыши, который не сделали. Долг он упомянул сразу после внучки — возможно, в его возрасте люди начинают разумнее оценивать важность вещей.

— Всякий раз, когда вызывают номер, кто-то исчезает, — шептал он. — Сначала женщина с коляской. Потом охранник. Мы пытались уйти. Дверь открывалась, а за ней сидели мы же. Только старше. Нам сказали: ждите.

— Кто сказал?

Он посмотрел на окна выдачи.

За стеклами сидели сотрудники. У каждого была серая рубашка, бирка с фамилией и неподвижная улыбка. Лица выглядели правильно ровно до тех пор, пока не начинаешь считать глаза. У некоторых их было три. У женщины в окне № 2 рот находился под воротником, и когда она ставила печать, шея раскрывалась, как бумажный конверт.

Окно № 7 пустовало.

— Сколько вас осталось? — спросила Ася.

— Восемь. Нет, девять. Девочку не считали.

— Какую девочку?

Виктор Васильевич показал на угол возле кулера.

Там сидела маленькая девочка в жёлтом дождевике. Лет девяти, светлые волосы собраны двумя неравными косичками. На коленях у неё лежала толстая книга без обложки. На

вид — обычный ребёнок, который слишком долго дожидался родителей в учреждении, созданном для медленного уничтожения веры в человечество.

Она смотрела на нас с таким выражением, будто мы опоздали на собственный день рождения.

— У тебя есть талон? — спросил я.

— Нет.

— Умница. Долго здесь?

— Дольше вас.

— Это нетрудно.

— Я имею в виду вообще.

Ася оглянулась на табло.

— Не разговаривайте с ней. Мы ищем кейс. Время зоны восемнадцать минут до первого расширения.

— На улице уже прошло пять.

— Внутри часы идут иначе.

Я взглянул на телефон. 11:52. Через секунду стало 11:51. Потом 11:49. Было неприятно наблюдать, как устройство, купленное в кредит, отрабатывает свои деньги в обратную сторону.

— Ты видела человека с чёрным кейсом? — спросил я девочку.

Она кивнула.

— Он пытался приказать им перестать выдавать смерти. Они оформили ему отказ.

— Где он?

— В архиве. Внутри окна семь. Но туда нельзя.

— Почему?

— Потому что седьмое окно выдаёт то, что человек не просил.

В этом городе детям стоило бы запретить говорить загадками. На взрослых, впрочем, запрет тоже не помешал бы.

В динамике загудело:

— Посетитель Б-ноль-ноль-ноль. Пройдите к окну номер семь.

Виктор Васильевич побелел. Ася встала между мной и пустующим окном.

— Нулевой номер невозможен, — сказала она. — Сдвиг не должен был его выдать.

— Машина, возможно, тоже растерялась от моего обаяния.

— Вы не понимаете. Номер «000» — это не посетитель. Это сотрудник без должности.

— Мне уже хочется повышения.

Она посмотрела на меня впервые без раздражения. Скорее с настоящим страхом.

— Оно пытается назначить вас частью себя.

Из окна № 7 выдвинулась тонкая бледная рука. Потом вторая. Третья. Четвёртая. Руки ощупали раму, подтянули узкое тело, и из темноты выпрямился человек в безупречном сером костюме. Лицо его было пустым, гладким, как чистый лист. Посреди лица красовалась единственная печать:

ПРИНЯТО.

— Б-ноль-ноль-ноль, — произнёс он голосами всех сотрудников сразу. — Ваша очередь.

Ася шагнула вперёд, выхватывая из рукава короткий металлический прут. На конце прута раскрылся светящийся квадрат — рабочая метка границы.

— Северин. За мою спину. Сейчас.

Мне очень хотелось согласиться.

Но девочка в жёлтом дождевике уже стояла возле существа. Я не заметил, как она прошла через зал.

— Не надо, — сказала она ему. — Он ещё не подписал.

Существо медленно повернуло к ней пустое лицо.

— Заявитель подлежит оформлению.

— Он не заявитель, — сказала девочка.

— Заявление зарегистрировано.

Новая печать возникла в воздухе между ними. И на ней я увидел свою фамилию.

Не просто фамилию. Полное имя и дату рождения, которую не произносил вслух уже много лет. Рядом значилось: «УСЛУГА: УСТРАНЕНИЕ НЕСООТВЕТСТВИЯ. СТАТУС: ОЖИДАЕТ ИСПОЛНЕНИЯ».

— Ася, — сказал я как можно спокойнее. — У меня неприятная новость.

— Только одна?

— Они знают, кто я.

Существо в костюме подняло кисть. Пальцы раскрылись веером: не ногти, а длинные тонкие скобы, каждая размером с кухонный нож.

— Исполнение назначено на настоящее время, — сообщило оно.

И рванулось к нам.

Я не увидел первого удара.

Только услышал, как воздух рядом с ухом лопнул от резкого хлопка, и с ужасом понял: если бы Ася не оттолкнула меня в сторону, моё лицо сейчас официально состояло бы из двух документов.

Скобы существа вошли в спинку стула. Пластик сложился, как мокрый картон. Ася ударила квадратной меткой по его локтю, и рука исчезла по плечо — не отрубленная, а словно вычеркнутая из пространства. За ней открылась белая дыра. Сквозь неё я увидел длинные ряды металлических шкафов и сотни серых конвертов, подвешенных на крючках.

— В архиве! — крикнул я.

— Спасибо, я догадалась!

Существо повернуло печать на лице ко мне. В дыру на месте руки зашипел воздух, посыпались скрепки. Их было столько, что они за секунду покрыли пол серебряной шелухой.

— Не смотрите на его лицо, — сказала Ася. — Как только печать станет читаемой, будете обязаны подчиниться.

— Я уже прочёл.

Она резко обернулась.

— Что?

Собственно, тут и возникла проблема.

Печать «ПРИНЯТО» вдруг стала не просто красным отпечатком. Я увидел в каждой букве узкие коридоры, за которыми шевелились люди. Их несли вдоль столов, укладывали на бумагу, распрямляли по швам. У одного человека было моё лицо. Я моргнул — и он оказался другим.

— Б-ноль-ноль-ноль, — произнесло существо. — Получите назначение.

Всё тело словно стянули ремнями. Правая нога пошла вперёд. Я пытался опереться на стул, но ладонь соскользнула, не коснувшись пластика. Через три шага я оказался бы у окна, где уже лежал лист с моим именем.

И именно тогда девочка ударила существо книгой.

Не по голове — там всё равно не было ничего полезного, — а по руке, тянувшейся ко мне. От удара разлетелась пыль. На обложке, которую я прежде принял за потёртый картон, проступила надпись: «ПРАВИЛА ПРИЁМА ГРАЖДАН».

Существо остановилось.

— У вас нет полномочий, — сказало оно девочке.

— Зато у меня книга.

— Неуместное замечание.

— Других не нашлось.

Если существует награда за бесстрашие в безнадёжных

ситуациях, эта девочка получит её раньше нас всех.

Ася схватила меня за плечи и встряхнула. Давление на тело исчезло. Я глубоко вдохнул. В зал будто вернулись цвета.

— В сторону! — приказала она Виктору Васильевичу и остальным. — Все к служебной двери!

Люди зашевелились медленно, с хрустом, словно их суставы за последние часы успели заржаветь. Один мужчина упал на четвереньки. Женщина с младенцем прижала ребёнка к груди и не могла встать — её волосы запутались в металлическом подлокотнике, хотя ещё секунду назад свободно лежали на плечах.

Я подхватил её за локоть. Младенец открыл глаза. Они были совершенно белыми, без радужек.

— Его не вызывайте, — прошептала женщина. — Пожалуйста. У него даже имени нет.

Я не знал, что ответить, и просто помог ей подняться.

Ася отбила вторую атаку. Скобы вспороли сиденья в полуметре от нас. Вырванный пластик рухнул на пол, но вместо треска раздался звук перелистываемых страниц.

— Они не дойдут до двери! — крикнул я.

— Значит, придумайте, как им дойти!

Мне часто советовали думать головой. Обычно это происходило в тот момент, когда голова оказывалась ближе всего к отсечению.

Я глянул на своё запястье. Три нуля были не просто нарисованы. Кожа вокруг них стала тонкой, как пергамент. Под

ней проступали крохотные строчки.

«Назначение сотруднику Б-000 производится при первом обращении. Отказ не предусмотрен».

Ниже кто-то дописал от руки одну фразу. Почерк был знакомый. Мой собственный.

«Не соглашайся на должность».

Я отскочил от существа настолько резко, что едва не сбил Виктора Васильевича.

— Ася, какое право есть у сотрудника, которого ещё не назначили?

— Что?

— Ты сказала: нулевой номер — сотрудник без должности. Он ещё не оформлен. Чем он может пользоваться?

Она ударила меткой по полу. Через зал прошла светлая черта. Существо налетело на неё и зашипело: ему было больно. Ася вздрогнула всем телом, будто удар пришёлся и по ней.

— Внутренними распоряжениями! — выкрикнула она. — Допуском к служебным помещениям! Не знаю, Северин! Я не кадровик!

— Это видно по манере общения с персоналом.

Я бросился к служебной двери.

Дверь была закрыта, но на ней светилась табличка: «ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ». Я приложил ладонь с нулями к считывателю. Зелёная лампа мигнула.

ЗАЯВКА НА ПРОХОД ПРИНЯТА.

Замок щёлкнул.

Только дверь открылась не в коридор.

За ней стоял широкий письменный стол, заваленный личными делами. За столом сидел тот же самый серый служащий — только с человеческим лицом и очень усталым видом. У него были мешки под глазами, тонкие седые волосы и чернильное пятно на рубашке. На груди висела бирка: «КОНСУЛЬТАНТ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ НЕСООТВЕТСТВИЙ».

Он не смотрел на меня. Он заполнял форму, перемещая перо по бумаге. Перо было сделано из человеческой ключицы.

— Войдите и закройте дверь, — сказал консультант.

— У меня нет времени.

— У вас осталось двенадцать минут. Здесь время считается по внутреннему графику. На улице оно вам не понадобится.

— Вы, похоже, прекрасно информированы.

— Я всю жизнь проработал в отделе кадров. Даже теперь, когда мне не положено быть живым.

Он поднял глаза. На их месте лежали две маленькие фотографии: на одной он улыбался на фоне моря, на другой — стоял у гроба женщины.

— Вас оформляют на должность исполнителя. Согласитесь — получите право раздавать номера. Откажетесь — номер получат за вас.

— Поясните последнее.

— Сначала возьмут одного из ваших спутников. Потом другого. Срок действия предложения — до конца смены.

За дверью раздался крик. Я узнал голос Аси, не потому что она кричала громко, а потому что очень злилась, что пришлось.

— Мне нужен чёрный кейс инспектора, — сказал я. — Он внутри архива.

— Личный доступ не предусмотрен.

— А если я подам жалобу?

Мужчина перестал писать.

— Жалобы принимает окно номер семь.

— Серьёзно? Это которое меня пытается убить?

— Организация не несёт ответственности за субъективное восприятие качества услуг.

— Вы лучшие.

Я выскочил обратно в зал.

Чертова дверь захлопнулась за спиной. Пять посетителей уже успели добраться до неё, но считыватель загорелся красным, едва к нему подошла женщина с ребёнком.

— Они не сотрудники, — крикнул я Асе. — Дверь их не выпустит!

— Тогда откройте наружную!

— Наружная выпустит кусочками!

Существо бросилось к девочке. Я перехватил его, швырнув под ноги металлическую стойку с лентой для очереди. Оно наступило на стойку, и та взлетела вверх, выстрелив в потолок. Разрез на потолке не зажил. Сквозь него на нас сыпались бумаги, у каждой в углу стояла фотография человека.

Одна фотография ударила меня в лицо.

Ника.

Я узнал её сразу, хотя с тех пор прошло шесть лет. Выцветшие зелёные глаза, коротко обрезанные волосы, привычная насмешливая складка у губ. На снимке ей было семнадцать. Под фотографией значилось «Северина Вероника Игоревна», а в графе «дата прекращения существования» — пятнадцатое апреля.

Я застыл.

Ника исчезла пятнадцатого апреля. Не погибла, не сбежала из дома, не уехала. Просто однажды не вошла в вагон метро, хотя я держал её за руку и совершенно точно помнил, что держал.

Полиция проверяла камеры: на записи я шёл один. Мать не понимала, почему я спрашиваю о несуществующей дочери. В школьном архиве мне показали список класса, где между шестнадцатой и восемнадцатой фамилиями не было пустого места.

Только я помнил.

И бумажный листок в подкладке куртки. Я сам написал

его в ночь после исчезновения: «НИКА БЫЛА. НЕ ДАВАЙ СЕБЕ СОВРАТЬ».

Тут, посреди чужого ужаса, мне впервые попалось доказательство.

Настоящее доказательство.

— Илья! — крикнула Ася.

Я поднял глаза и увидел над собой шесть раскрытых кистей.

Существо уже не походило на человека. Его костюм растягивался по стенам, из рукавов вырастали новые локти, а вместо лиц у сотрудников за окнами начали появляться одинаковые красные печати. На табло зажглись номера сразу всех присутствующих.

Б-039. Б-040. Б-042. Б-043. Б-044.

Из динамика потянулось многоголосое:

— Внеочередное обслуживание. Внеочередное обслуживание. Внеочередное...

Ася поставила скобу прямо перед нами. Полоса света ударила мне по коленям, а существо упёрлось в неё всеми руками. Запястье Аси затрещало. Серебро почернело. Из её уха потекла кровь.

— Уходите, — сказала она сквозь зубы. — Через служебную. Вы один можете. Заберите кейс, если доберётесь. Это приказ.

Я посмотрел на фотографию Ники. На дрожащую девочку в жёлтом дождевике. На женщину, которая прижимала к се-

бе ребёнка с белыми глазами. На Виктора Васильевича, всё ещё бережно державшего бесполезный конверт для внучки.

Дверь за моей спиной ждала.

Я мог уйти. На улице меня ждало пятьдесят две тысячи и вполне приличный шанс остаться живым.

И я почти ушёл.

Я сделал шаг к считывателю. Затем второй.

Но на третьем понял одну вещь: если Сдвиг умеет выдавать удостоверение смерти человеку, который ещё жив, то это не власть над жизнью и смертью. Это плохо написанная инструкция.

А плохо написанные инструкции можно оспаривать.

Я схватил девочку за плечо.

— Книга. Покажи последнюю страницу.

— Зачем?

— Я собираюсь написать жалобу на ваш прекрасный сервис.

Она моргнула, потом сунула мне тяжёлый том.

Обычный сборник, какие печатают для чиновников по тысяче экземпляров и не читают ни одного. На первых страницах шли должностные инструкции. На следующих — схемы эвакуации, зачёркнутые красными чернилами. А в самом конце под заголовком «ПРИЁМ ПРЕТЕНЗИЙ» обнаружился маленький пустой бланк.

Я выдрал его.

В зале стало тихо.

Даже существо остановилось, будто почувствовало, что я собираюсь совершить административное правонарушение.

— Посетитель Б-ноль-ноль-ноль, — произнесло оно. — Отойдите от документа.

— Сотрудник, — поправил я. — Вы сами назначили меня сотрудником без должности. Так ведь?

Красная печать на лице замерцала.

— Назначение не завершено.

— Но права доступа вы уже выдали. И внутренние распоряжения обязаны принимать к исполнению.

Ася посмотрела на меня с ужасом, который бывают способны вызвать только полные идиоты, уверенные в собственной правоте.

— Что вы делаете?

— Пишу на вас докладную. В графе «причина» укажу трудный характер.

Я прижал бланк к стене и написал первую строчку. Рука тряслась так, что пришлось придерживать её второй.

«Требую признать услугу окна № 7 невыполнимой».

Существо издало звук, похожий на скрежет печатного станка.

— Услуга утверждена.

«Услуга: выдача заявителю свидетельства о его собственной смерти».

— Услуга утверждена, — повторило оно громче.

«Условие: заявитель обязан явиться лично, удостоверить

личность и получить документ после завершения услуги».

Существо двинулось ко мне. Ася упёрлась пяткой в пол, удерживая светящуюся полосу. До наших ног уже дотянулась тень его пальцев. На моём запястье цифры «000» задымились.

Я дописал главное.

«Если заявитель жив, его смерть не удостоверена. Если мёртв — явиться лично и получить документ он не может. Следовательно, услуга не может быть оказана ни одному заявителю при соблюдении всех условий».

— Неверная формулировка, — простонали все сотрудники разом.

— Возражения письменно. В двух экземплярах.

— Сотрудник Б-ноль-ноль-ноль. Ваше назначение приостановлено.

— Поздно. Жалоба подана.

— Жалоба принимается только при наличии печати учреждения.

Я уставился на бланк. Внизу действительно оставалось пустое место — круг для печати. Его края уже начали краснеть.

Существо подняло шестёрку своих режущих ладоней.

И я понял, что делать.

В сущности, способов умереть очень много. Один из самых глупых — добровольно подставить руку под лезвие существа, похожего на заведующего приёмной. Но ещё глупее, когда это единственный способ прожить лишние пять минут,

начать сомневаться в собственной гениальности.

— Ася! Опускай скобу!

— Вас убьёт!

— В очереди все умрём. Мне хотя бы обещали без ожидания!

Она посмотрела мне в глаза. Потом, очень медленно, убрала ладонь с серебряного обруча.

Свет исчез.

Существо бросилось вперёд.

Я поднял бланк двумя руками и шагнул навстречу. На долю секунды его лицевая печать отразилась на белой бумаге.

ПРИНЯТО.

Скобы прошили мне плечо.

Боль оказалась не острой. Она была огромной, как здание. Словно кто-то открыл внутри меня многоэтажный дом и одновременно обрушил все лестничные пролёты. Я закричал, но не отпустил лист.

Бланк засветился.

Над ним возникла тонкая чёрная рамка, похожая на край старого монитора. Текст в ней был написан ровными буквами. Никаких голосов, никаких вспышек. От этой будничности стало страшнее.

ОБНАРУЖЕНО НЕУСТРАНИМОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ.

АКТ № 0001.

ЗАЯВИТЕЛЬ: ИЛЬЯ СЕВЕРИН.

ОСНОВАНИЕ: ПРАВИЛО ВСТУПАЕТ В ПРОТИВОРЕЧИЕ С СОБСТВЕННОЙ ЦЕЛЬЮ.

ПРАВО НА ИСПРАВЛЕНИЕ: ДОСТУПНО.

Ниже появилась строка, из-за которой у меня похолодело всё, что ещё оставалось целым.

СТОИМОСТЬ ИСПРАВЛЕНИЯ: ОДНО ЛИЧНОЕ ВОСПОМИНАНИЕ.

— Нет, — выдохнул я.

За моей спиной кто-то плакал. Дыхание Аси стало хриплым. Виктор Васильевич пытался открыть дверь плечом, и

на его рукавах проступали новые чёрные точки.

«Безвозвратное списание. Воспоминание определяется по степени значимости для заявителя. Оспаривание стоимости невозможно».

Я знал, что они возьмут.

Не день рождения. Не вкус первого пива. Не тот раз, когда я провалился под лёд и отец вытащил меня за капюшон.

Нику.

У меня остался один настоящий разговор с ней — последние три минуты у дверей метро. После того как весь мир перестал помнить мою сестру, я почти каждую ночь прокручивал эти минуты в голове. Её слова. Её смешную привычку говорить «угу» вместо «да». Тихий смех, когда я снова пообещал купить ей какую-то ерунду, если она сдаст экзамены.

Потому что если забыть последнее, рано или поздно начнёшь сомневаться и во всём остальном.

«Подтвердите исправление».

Я судорожно вцепился в фотографию Ники. Снимок прилип к ладони от крови. Я увидел её лицо. Улыбку. Голубой воротник куртки, которую она ненавидела.

За моей спиной девочка в жёлтом дождевике вдруг сказала:

— Они забирают не то, что ты хочешь отдать. Они забирают то, благодаря чему ты помнишь, зачем пришёл.

Я не посмотрел на неё.

— Знаю.

— Тогда не соглашайся.

Существо с печатью продолжало вдавливать скобы мне в плечо. Ещё немного, и я бы просто рассыпался вместе с формой. На табло загорелся новый номер — женщины с ребёнком.

Это и решило всё.

Было бы очень удобно считать, что люди становятся героями в ту минуту, когда перестают бояться. Наверное, поэтому среди героев так много памятников и так мало живых свидетелей.

Я боялся до судорог.

— Подтверждаю, — сказал я.

Чёрная рамка схлопнулась.

Мне показалось, что кто-то выдернул из груди тонкую нитку. За ниткой потянулся звук: смех Ники, звонкий, немного хрипловатый. Я схватился за него мысленно, попытался удержать хотя бы последнюю ноту — и не смог.

Я по-прежнему помнил, что она смеялась.

Но как именно — уже не знал.

Потом исчезли её последние слова у метро. Я чувствовал, что они были важными. Даже видел её губы, произносившие что-то из пяти или шести слов. Только теперь губы двигались в полной тишине.

На секунду захотелось убить весь мир.

Но мир пока не дописал приказ.

ИСПРАВЛЕНИЕ ПРИНЯТО.

НОВОЕ ПРАВИЛО: НИКТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ОБЯЗАН ПОЛУЧИТЬ НЕВОЗМОЖНУЮ УСЛУГУ.

Существо замерло.

В одной из его рук сухо хрустнула кость. Потом в другой. Все шесть кистей одновременно разжались. Печать на лице поползла вниз, как размытая тушь. Зал содрогнулся, и люди, которых держали невидимые нити, разом упали на пол.

На табло вместо номеров появилась одна надпись:

ОШИБКА ПРИ ОБРАБОТКЕ ЗАПРОСА.

— Ася! — прохрипел я. — Дверь!

Она не ответила. Уже неслась к выходу, оставляя на плитке кровавые следы от босой ноги: ботинок у неё исчез, пока она держала скобу. Ася врезалась плечом в стеклянную дверь.

На этот раз за дверью был дождь.

Обычный, грязный, прекрасный дождь.

— Все наружу! — завопила она.

Люди побежали. Кто-то нёс пожилую женщину на руках. Виктор Васильевич помогал парню со сломанными очками, хотя сам еле переставлял ноги. Мать с младенцем выскочила последней из посетителей. Под дождём ребёнок открыл глаза, и они снова стали карими.

Существо рассыпалось не в пыль. В документы. Тысячи белых листов закружились в зале, лезвиями разрезая мебель и окна. На каждом был чей-то портрет. Кто-то на них смеялся. Кто-то плакал. Кто-то выглядел так, будто даже в смерти устал от оформления бумаг.

В самом центре вихря оставалось открытое окно № 7.

А за ним на металлическом столе лежал чёрный кейс.

Я пошёл за ним.

— Северин! — заорала Ася с порога. — Вы издеваетесь?!

— По договору положено пятьдесят две тысячи!

— Я заплачу шестьдесят!

— Надо было начинать с этого!

Мне удалось сделать всего несколько шагов. Пол стал тонким, как лист бумаги, и под ним зашевелились огромные чёрные ящики. Они раскрывались один за другим, показывая мне чужие дни рождения, свадьбы, похороны, случайные фотографии из школьных альбомов. Целые человеческие жизни, уложенные в картотеку.

Я подпрыгнул, вцепился одной рукой в перегородку окна, другой схватил кейс.

Ударила боль в простреленном плече. Из раны выпала ме-

таллическая скоба. Чёрная, горячая, с моим именем на боку.

За спиной раздался сухой детский голос:

— Не бери ничего другого.

Девочка в жёлтом дождевике стояла на пороге. Все остальные уже были снаружи.

Я поднял кейс. Рядом с ним лежала одна-единственная папка. На сером корешке значилось: «СЕВЕРИНА В. И. / ДЕЛО О ПРЕКРАЩЕНИИ».

Меня словно ударили ещё раз.

Не бери ничего другого.

Я знал, что она права. Сдвиги очень любят подарки, за которые потом выставляют счёт. Но шесть лет я ходил по людям, которые клялись, что моей сестры никогда не было. Шесть лет я выслушивал, как лучше лечить навязчивые идеи. Шесть лет просыпался с мыслью, что, возможно, сам её придумал.

Я взял папку.

В ту же секунду по зданию прошёл глухой металлический удар.

Девочка закрыла глаза.

— Ну вот, — сказала она. — Опять.

. . .

Нас вынесло на улицу вместе с дождём и запахом мокрой бумаги. Я ударился спиной о ступени, прокатился по ним

и оказался на асфальте, прижимая к груди чёрный кейс и серую папку.

Вокруг орали люди. Кто-то хлопал. Кто-то рыдал. Сирены заглушали друг друга. Пожарные бежали к зданию, которое уже теряло форму: его фасад складывался внутрь, точно конверт. Через несколько секунд там осталась глухая стена с одним крошечным окошком.

На окошке горела табличка «ТЕХНИЧЕСКИЙ ПЕРЕРЫВ».

Восемь посетителей лежали на мокром асфальте. Девятая — девочка в жёлтом дождевике — стояла рядом со мной и смотрела на стену.

Ася села прямо в лужу. Обруч у неё на запястье треснул пополам. Один глаз покраснел так сильно, что я не мог понять, видит ли она им вообще.

— Вы идиот, — сказала она.

— Формулировка недействительна. Нужна печать.

— Вы живой идиот. Это редкое сочетание.

Я хотел ответить, но вдруг вспомнил, что больше не помню голос Ники. Он был внутри меня шесть лет, и теперь его не было. Вся спасённая улица с её сиренами, дождём и криками показалась на секунду слишком громкой.

Ася заметила, как я смотрю на фотографию.

— Что вы заплатили? — тихо спросила она.

— Немного музыки.

Она не стала уточнять.

За моей спиной Виктор Васильевич уже звонил внучке. Когда та ответила, он заплакал так громко, что его услышала половина оцепления. Я подумал: наверное, всё-таки стоило того. Потом почувствовал, как по рукаву течёт кровь, и решил, что к этому вопросу можно вернуться позже.

Парамедик наложил жгут. Ася показала удостоверение и потребовала нас не разлучать. Ей явно хотелось задавать вопросы, которые не имели отношения к моему давлению.

— Не говорите никому о том, что видели в рамке, — сказала она почти беззвучно.

— Почему?

— Потому что у ревизоров есть допуски, а у вас нет. При этом вы сделали то, чего не могут делать ревизоры. Если узнает Управление, вас заберут не в больницу.

— Куда?

— В отдел, который не существует. Не шучу.

Я её и не обвинял.

Мы сидели под навесом скорой, когда она наконец заметила серую папку рядом с моим ботинком.

— Это что?

— Неправильное решение.

— Отдайте мне.

— Нет.

Ася посмотрела на свою сломанную скобу, на моё плечо, потом на папку. На секунду мне показалось, что она сейчас попытается отнять её силой. Вместо этого она произнесла:

— Если в ней то, что вы надеетесь найти, не читайте при посторонних.

— Вы знаете, что там?

— Я знаю, как выглядит человек, который открывает дело о собственном прошлом.

Она ушла, не дожидаясь ответа.

Девочка в жёлтом дождевике села рядом. Я протянул ей бутылку воды, взятую у медика. Она сделала маленький глоток.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Варя.

— Где твои родители?

Она опустила взгляд.

— Их ещё не придумали.

— Понятно. Значит, начнём с социального работника.

— Не надо. Он тоже не поможет.

— Ты всегда такая оптимистичная?

— Нет. Раньше было хуже.

Мне хотелось спросить, что вообще может быть хуже города, который выдаёт талончики на собственную смерть. Но я уже понял, что у Вари наверняка найдётся ответ, и не хотел портить себе день окончательно.

Я поддел ногтем край серой папки.

Внутри лежал один лист. Всего один, сложенный вдвое. Не фотография и не свидетельство. Обычная копия заявления, проштампованная шесть лет назад.

«Заявление о добровольном исключении гражданина из действующей версии реальности».

Дальше стояло:

ЛИЦО, ПОДЛЕЖАЩЕЕ ИСКЛЮЧЕНИЮ: СЕВЕРИНА ВЕРОНИКА ИГОРЕВНА.

ДАТА ИСПОЛНЕНИЯ: 15 АПРЕЛЯ.

ОСНОВАНИЕ: ЗАЩИТА ОБЪЕКТА ОТ ПОВТОРНОГО ОБНАРУЖЕНИЯ.

ЗАЯВИТЕЛЬ: СЕВЕРИН ИЛЬЯ ИГОРЕВИЧ.

Я перечитал последнюю строчку. Потом ещё раз.

Имя не изменилось.

Моё имя.

Внизу стояла подпись. Я узнаю свой почерк даже на списке покупок, составленном в три часа ночи: буква «И» похожа на сломанную стремянку, «р» всегда уходит ниже строки. Здесь всё было точно так же.

Я поднёс бумагу ближе.

Под подписью кто-то дописал красными чернилами две фразы.

«Заявитель осведомлён о последствиях».

«Повторную попытку не начинать».

— Не может быть, — сказал я.

Варя поставила бутылку на асфальт.

— Может, — ответила она. — Ты сам её спрятал.

Я резко повернулся к ней.

— Откуда ты знаешь?

Девочка помолчала. Затем достала из кармана жёлтого дождевика крохотный талон, сложенный вчетверо, и положила мне на колено.

На нём было напечатано:

Б-000. ОБСЛУЖИВАНИЕ ПОВТОРНОЕ.

ПРЕДЫДУЩАЯ ПОПЫТКА:
ЗАВЕРШЕНА НЕУДАЧНО.

— Потому что, — сказала Варя, глядя мне прямо в глаза, — в прошлый раз ты попросил меня убить тебя, если снова полезешь за этой папкой.

ГЛАВА ВТОРАЯ
Проверка на подлинность

— Не самое удачное время для признаний, — сказал я. — У меня плечо дырявое. Если хочешь меня убить, сначала зашей.

Варя не улыбнулась.

Дождь стучал по крыше машины скорой помощи. За мокрой прозрачной стенкой навеса люди обнимали людей, которых час назад считали погибшими. Виктор Васильевич прижимал телефон к уху и говорил внучке, что обязательно придёт на день рождения. Он повторил это уже раз пять. У него был вид человека, который собирается прожить вечно назло всему, что случилось за последние два часа.

А у девочки рядом со мной в кармане лежал талон с номером, который я получил в первый раз в жизни — и, как оказалось, не в первый.

— Ты просил меня не ждать, — сказала Варя. — Сказал: «Если опять возьму папку, значит, всё пошло неправильно. Не дай мне закончить».

— Предусмотрительно. А более подробные указания я случайно не оставил? Например, за что именно меня надо убить?

— Нет.

— Я себе никогда не нравился.

Она сунула руку за пазуху жёлтого дождевика.

Я напрягся. Там могла лежать и игрушка, и нож. В нашем городе с игрушками иногда бывало даже хуже.

Варя достала маленькую металлическую вещь. Не нож — канцелярский дырокол. Старый, карманный, похожий на злобного серебристого жука.

— Этим? — спросил я.

— Не смейся.

— Не смеюсь. Просто в моей смерти неожиданно много офисных принадлежностей.

— В прошлый раз он сработал.

Она нажала на рычажок.

Дырокол щёлкнул. В воздухе между нами появились два ровных чёрных отверстия. Они не вели на улицу или внутрь скорой. Через них было видно ночное небо, хотя сейчас стоял день. В одном отверстии на секунду мелькнула белая рука.

Я откинулся так резко, что в плече вспыхнула боль.

— Ладно. Убедила. Положи свою школьную принадлежность.

Варя опустила дырокол, но не спрятала.

— Ты раньше не боялся.

— Я и сейчас не боюсь. Это у меня лицо такое, когда организм пытается остаться целым.

Она посмотрела мне на руку. На запястье ещё темнели три

нуля.

— Почему ты пошёл за папкой? Я же сказала не брать ничего другого.

Я открыл рот, собираясь произнести что-нибудь умное. Придумать оправдание тому, что только что сделал, оказалось труднее, чем решить математическую задачу для канцелярского чудовища.

— Потому что там было имя моей сестры, — сказал я.

— Я знаю.

— Тогда знаешь и почему.

— Нет. В прошлый раз ты тоже так сказал. А потом люди стали пропадать быстрее.

Я посмотрел на лист с собственным заявлением. Бумага была сухой. Странно сухой для вещи, которую я держал в кровавых руках под ливнем.

— Сколько раз это было?

— Я помню два.

— Два чего?

— Тебя.

В этот момент дверь скорой распахнулась, и в салон заглянула медсестра.

— Северин Илья Игоревич?

Варя схватила меня за здоровую руку с такой силой, что я почувствовал ногти сквозь ткань.

— Не отвечай, — прошептала она.

Я уже открыл рот.

Медсестра улыбнулась. Очень мило. Так улыбаются люди, когда находятся на работе и ещё не успели возненавидеть весь мир.

— Это вы? — повторила она.

Я кивнул.

Она посмотрела на планшет.

— По списку вы у нас не проходите.

— Хорошо, — сказал я. — Я и без списка страдаю достаточно.

— Нет, вы не поняли. Вы числитесь пропавшим без вести.

— Это административная ошибка.

— Как раз по этой части к вам сейчас и подойдут.

Снаружи раздался короткий двойной сигнал. Не сирена. Звук был похож на писк сканера в супермаркете, когда продавец пробивает слишком дорогой сыр.

Ася появилась возле машины почти сразу. Её серый плащ был расстёгнут, в руках она держала чёрный кейс инспектора. Один глаз оставался красным. Вторым она смотрела на медсестру.

— Кто запросил список пострадавших? — спросила она.

— Из службы достоверности. Они сказали, стандартная проверка после Сдвига.

Лицо Аси стало таким, что я впервые заподозрил: при должном старании она умеет выражать эмоции.

— Здесь нет никакой стандартной проверки, — сказала она. — Всем прекратить называть имена. Немедленно.

Медсестра растерянно моргнула.

— Но у нас приказ...

— От кого?

За её спиной, под дождём, стоял мужчина с чёрным зонтом.

Он был невысоким, полным, с идеально завязанным галстуком и сухими лакированными туфлями. Вокруг него лило как из ведра. На зонте не задерживалось ни капли.

Мужчина держал серый блокнот и тонкую ручку. За его спиной стояли ещё трое в одинаковых плащах. На груди у каждого блестел узкий латунный прямоугольник, похожий на жетон гардеробщика.

— Ревизор Литвинова, — произнёс мужчина. — Павел Миронович Греков. Служба подтверждения гражданского присутствия. Нам сообщили о лицах с нарушенной последовательностью данных.

— Вы приехали слишком быстро, — сказала Ася.

— Мы всегда приезжаем вовремя.

— Неправда, — тихо сказала Варя.

Греков не обратил на неё внимания. Он смотрел на меня.

— Начнём с простого. Молодой человек, назовите фамилию, имя и отчество.

Я уже успел понять, что знакомство с новыми людьми — опасная привычка. В Лисогорске от неё иногда умирали раньше, чем от курения.

— Я предпочёл бы псевдоним.

— Вы не вправе скрывать персональные данные от службы подтверждения.

Он раскрыл блокнот. На первой странице не было ни строк, ни клеток. Только пустой прямоугольник, по форме напоминающий могильную плиту.

Виктор Васильевич, стоявший рядом с оцеплением, поднял руку.

— Я могу сказать. Это тот парень, который нас вывел! Его зовут...

— Не надо! — закричала Ася.

Поздно.

— Илья Северин, — произнёс старик.

Ручка в руке Грекова сама сделала длинный чёрный росчерк.

На мокром асфальте появилась тонкая белая полоска. Она поползла от ног Виктора Васильевича к мужчине с зонтом. Никто, кроме нас четверых, словно её не замечал.

Старик замер на полуслове. Телефон выпал у него из руки.

— Простите, — сказал он. — А я... кто?

Я вскочил.

— Виктор Васильевич. Вы Виктор Васильевич. У вас внучка Ксюша, крыша не отремонтирована, конверт в кармане! Слышите меня?

Он смотрел на меня вежливо, как на случайного прохожего.

— Какой конверт?

Белая полоска дотянулась до его ботинка. Под подошвой вдруг стало видно асфальт: кожа исчезала так аккуратно, будто художник стирал неудачную карандашную линию.

Греков вздохнул.

— Свидетель дал сведения о лице, чья регистрация вызывает сомнения. Начата процедура сверки показаний.

— Что вы с ним делаете?!

— Ничего противозаконного. Показания не подтверждены. Свидетель временно приостанавливается.

Приостанавливается.

Так можно говорить о подписке, счёте в банке или поезде в депо. Но не о человеке, который час назад пообещал внучке приехать на праздник.

Я шагнул вперёд. Ася встала поперёк дороги.

— Не приближайтесь к записи, — сказала она. — Если пересечёте линию, проверка привяжется и к вам.

— А если я постою здесь, он исчезнет.

— Я знаю.

Она сжала треснувший обруч. Серебро на её запястье мигнуло, но полоска даже не дрогнула.

Греков поднял взгляд от блокнота.

— Служебная скоба второй линии не имеет полномочий прерывать подтверждение. Не вынуждайте меня составлять рапорт, Анастасия Сергеевна.

— Составьте сразу два. Я подпишу оба словами, которые

ваша мать не одобряет.

Я взглянул на Варины пальцы. Дырокол снова лежал у неё на ладони.

— Дай, — сказал я.

— Ты не умеешь.

— Я и в прошлый раз не умел, судя по результату.

Девочка мгновение смотрела на меня. Потом протянула дырокол.

Он был тёплым. На боку красовалась царапина, сделанная чем-то острым: «НЕ ПО ИМЕНИ».

Я нажал на рычажок над белой полосой.

Щёлк.

Два круглых отверстия возникли в земле. Полоска пересекала их, не прерываясь. Зато из отверстий начал литься чёрный песок, не похожий ни на что, что я видел.

— Это не бумага! — крикнула Варя. — Её нельзя проколоть так!

— Очень своевременная консультация!

Греков обернулся. Впервые за всё время он перестал улыбаться.

— Откуда у вас эта вещь?

Вопрос был искренним. И очень плохим для его спокойствия.

Я хотел сказать, что купил её на школьной ярмарке, но в запястье внезапно заныло. Нули под кожей раскалились. Прямо поверх белой полосы выступили серые слова, види-

мые только мне:

СВЕРКА ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПО ПОКАЗАНИЯМ СВИДЕТЕЛЯ.ПРИ ОТСУТСТВИИ СВИДЕТЕЛЯ СВЕРКА ПРЕКРАЩАЕТСЯ.

А под ними, совсем маленькими буквами:

РЕДАКЦИЯ ПРАВИЛА:
ИЗМЕНЕНА 6 ЛЕТ НАЗАД.

Я моргнул. Слова не исчезли.

После центра документов меня трудно было удивить, но прямо здесь, на улице, передо мной проступал текст, которого не видела даже Ася.

— Он проверяет не меня, — произнёс я. — Он проверяет того, кто назвал моё имя.

Греков быстро захлопнул блокнот.

— Уведите данного человека, — приказал он своим спутникам.

Один из них шагнул вперёд. Его плащ раскрылся, и я увидел, что внутри нет тела. Латунный жетон висел над пустотой, удерживая форму одежды. Вслед за плащом по асфальту скользнула тень — тонкая, как разметочная нить.

Я метнулся к Виктору Васильевичу. Он уже не помнил собственную внучку. Но ещё держал в кармане конверт, помятый, мокрый, с надписью для Ксюши.

— Слушайте меня, — сказал я. — У вас есть конверт.

Достаньте.

— Вы меня с кем-то путаете.

— Возможно. Но вы проверьте.

Его пальцы нащупали бумагу. Он вынул конверт, развернул и увидел собственный почерк.

Лицо старика дрогнуло.

— Ксюша, — выдохнул он.

Белая полоска вспыхнула.

— Инициирована самостоятельная коррекция свидетельских показаний, — произнёс Греков.

— Поздравляю, — сказал я. — Свидетель обнаружил, что у него есть мозг.

— Это не отменяет процедуру.

— Зато меняет её основание.

Я вдруг понял, что вижу под основным текстом ещё одну строчку. Не приказ. Не подсказку. Просто след прежней редакции, похожий на зачёркнутое предложение в чужой рукописи:

СВИДЕТЕЛЬСТВО СЧИТАЕТСЯ ДОСТОВЕРНЫМ ПРИ УСЛОВИИ, ЧТО СВИДЕТЕЛЬ НЕ СОМНЕВАЕТСЯ В СОБСТВЕННОМ СУЩЕСТВОВАНИИ.

Старая норма. Её заменили нынешней. Зачем — не знал. Но она ещё просвечивала сквозь асфальт.

И тогда я сказал Виктору Васильевичу то, чего не успел сказать себе самому шесть лет назад:

— Не спрашивайте у него, кто вы. Скажите, кого ждут

дома.

Старик прижал конверт к груди.

— Меня ждёт Ксюша, — произнёс он. — Она просила прийти к трём. А я опять опаздываю.

Белая полоска потемнела.

Греков резко открыл блокнот. Его пустая страница покрылась мелкими трещинами. На мгновение я увидел там чужие имена, сотни имён, уложенных одно на другое, как слой пыли.

— Вы проверяете показания человека, которого сами заставили забыть собственное имя, — сказал я. — Вы уничтожили единственного свидетеля. Значит, вам больше нечем подтвердить начало проверки.

Из блокнота донёсся треск.

— Нарушение протокола, — прошипел Греков.

— А на мой взгляд, удачная редактура.

Полоска оборвалась. Виктор Васильевич тяжело опустился на колени. Кожа ботинка вернулась. Он поднял голову, увидел меня и совершенно неподдельно расплакался.

Я успел порадоваться ровно одну секунду.

Потому что все три пустых плаща одновременно повернулись ко мне.

И из-под каждого воротника раздалось одним голосом:

— ОБЪЕКТ ПОВТОРНОГО ОФОРМЛЕНИЯ ОБНАРУЖЕН.

. . .

Ася ударила серебряной скобой по ближайшему плащу.

На мгновение мир стал плоским. Я увидел человека, нарисованного одной непрерывной чёрной линией: воротник переходил в рукав, рукав — в ногу, нога — в спину, а там линия замыкалась. Никаких внутренностей, никакой головы. Только контур того, кем он должен был казаться.

Скоба вспыхнула и окончательно рассыпалась.

— Всё, — сказала Ася.

— Великолепная новость. А что-нибудь полезное?

— Бегите.

— Это я умею.

Плащ разошёлся посередине. Из его пустоты вылетели длинные белые полосы с напечатанными фамилиями. Они закружились вокруг санитаров, полицейских, спасённых посетителей. Стоило полосе коснуться человека, как тот замирал и медленно поворачивал голову, словно вспоминал что-то очень неприятное.

— Назовите себя, — требовали полосы разными голосами. — Подтвердите присутствие. Назовите себя.

У Грекова, похоже, не было кнопки «пожаловаться на обслуживание». Зато была кнопка «устроить населению массовую проверку».

— Всех за ограждение! — закричала Ася. — Никаких документов! Никаких имён!

Полицейский, вооружённый автоматом, сделал то, что всегда делают люди с автоматами, столкнувшиеся с непонят-

ным: выстрелил.

Пули прошили пустой плащ. На асфальт упали три строчки из какого-то договора. На секунду мне показалось, что одна из них извивалась, как червь.

— Не стрелять! — рявкнула Ася. — Вы заставляете их размножаться!

Нам под ноги скользнула белая лента. На ней уже было напечатано моё имя. Буква «И» получилась знакомой, неуклюжей — точно с той подписи шестилетней давности.

Я отпрыгнул, подхватил Варю и почти зашвырнул её в салон скорой.

— Эй! — возмутилась она.

— Потом напишешь жалобу!

Сзади что-то ударилось мне в спину. Я упал на колено и почувствовал, как по позвоночнику пополз холод. Взглянув вниз, увидел белую полоску, приклеенную к куртке. На ней проявлялись слова:

НЕОБХОДИМ УЧЁТ.

Я потянул за край. Бумага оказалась продолжением ткани. Куртка расползалась у меня в пальцах вместе с полосой, обнажая под кожей ряды мелких букв.

— Не отдирай! — крикнула Варя.

— Сейчас хотел спросить у неё разрешения!

Девочка вырвала из своей толстой книги страницу, под-

несла её к липкой ленте и щёлкнула дыроколом.

На этот раз отверстия образовались там, где встречались две бумаги. Лента обмякла. Я свалился боком на ступеньку машины, зато позвоночник, кажется, решил остаться со мной.

— Он делает дырки в документах, — сказала Варя. — А не во всём подряд.

— Отлично. Сэкономим на уроках труда.

Она захлопнула книгу. На корешке мелькнула надпись, которой раньше не было: «ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ». Под ней бледнело зачёркнутое «ПЕРВОЕ».

Ася вскочила за руль.

— Северин, внутрь! Девочку пристегнуть!

— А остальные?

— Греков хочет вас. Им нужен ваш номер, остальные нужны как подтверждение. Если уедете, он пойдёт за нами.

Я оглянулся. Виктор Васильевич стоял между двумя полицейскими, дрожащий, но снова настоящий. Он поднял конверт. Я не знаю, хотел ли он поблагодарить меня или просто показать, что ещё помнит, кому его вручить.

Я ответил ему поднятым большим пальцем.

Греков стоял под зонтом среди всего этого безумия и спокойно листал блокнот. В отличие от своих подчинённых, он выглядел человеком. Это беспокоило сильнее всего.

Он повернул страницу. Где-то далеко завыла сирена. Потом вторая. И третья.

— Повторная сверка назначена, — сказал он негромко.

Все полосы в воздухе одновременно развернулись к нам.

— Ася, газ!

Скорая рванула с места, задев боком металлическое ограждение. Я влетел плечом в дверцу. В глазах стало бело. Варя с неожиданным спокойствием протянула мне пакет со льдом.

— Приложи.

— Откуда он у тебя?

— В холодильнике нашла.

— Я забыл, что ты едешь со мной в машине, которую угнала государственная служащая, и главный вопрос здесь — лёд.

— Ничего страшного, — сказала она. — Ты часто забываешь.

Мы выскочили на проспект и чуть не врезались в автобус. Водитель автобуса показал Асе неприличный жест. Она ответила ему тем же, ничуть не теряя скорости. У ревизоров, как выяснилось, бывают таланты, не указанные в должностной инструкции.

— Куда мы? — спросил я.

— Туда, где нас нельзя найти по имени.

— На кладбище?

— В архив.

— С моей стороны это был более жизнерадостный вариант.

Варя пристегнулась и положила дырокол на колени. Два чёрных кружочка, сделанные им в воздухе, всё ещё мерцали за окнами скорой, как пятна на плёнке. Потом их закрыли дома.

Плечо ныло и пульсировало. Повязка промокла насквозь. После того как я согласился потерять память о последних словах сестры, за рану я заплатил кровью, и мне начинало казаться, что у моего организма открыли абонемент на страдания.

— Ася, может, сначала в больницу?

— Больница проверяет паспорта.

— Разумно. Тогда к ветеринару.

— Вы доживёте до хирурга, если не будете дёргаться.

Она обогнула стоящую на светофоре колонну и резко свернула в переулок.

— А если я всё-таки не доживу?

— Тогда к ветеринару.

Я решил, что она заслужила маленькую победу.

Через две улицы я заметил, что навигатор на панели не обновляет маршрут. Сначала он показывал наш город. Потом — просто серое поле. Наконец на экране вспыхнула надпись: «АДРЕС НЕ ОПРЕДЕЛЁН».

— Они нас заглушили? — спросил я.

— Нет. Это не помехи. Они ищут место, где мы находимся, и пишут его заново.

Слова Аси оказались точными. На доме, мимо которого

мы проезжали, номер «14» вдруг сменился на «12». Вывеска «РЕМОНТ ОБУВИ» вытянулась в длинное белое слово «ПОДТВЕРЖДЕНО». А дворник, подметавший мокрые листья, остановился и посмотрел на нас так, словно ему только что велели вспомнить, какой сегодня век.

— Вот ведь гадство, — сказал я. — Они умеют портить даже навигацию.

Варя наклонилась вперёд.

— Они нас найдут, если укажут не адрес, а событие.

— Какое событие?

— То, после которого ты существуешь неправильно.

Она произнесла это без страшной музыки и многозначительной паузы. Так сообщают, что автобус ходит по субботам реже.

Ася взглянула в зеркало.

— Что ты знаешь о его случае?

— Не всё.

— Но достаточно, чтобы угрожать ему смертью.

— Ты тоже угрожала, — заметила Варя. — В центре документов.

— Я предупредила его о последствиях.

— У взрослых это называется по-разному.

Впервые я увидел, как Ася с трудом удерживается от улыбки. Мне захотелось запомнить это. Сразу возникло неприятное подозрение: именно такие воспоминания однажды потребуют в оплату.

— Вы двое можете отложить воспитательный час? — спросил я. — Мы всё ещё убегаем от людей, которые пытаются отменить факт моего рождения.

— Не рождения, — сказала Варя. — Это другое.

Я повернулся к ней.

— Что значит «другое»?

Она посмотрела на моё запястье.

— Не сейчас. Если я скажу, тебя будет легче найти.

— Разумеется. Нельзя же просто испортить мне день. Надо делать это с интригой.

В этот момент в зеркале заднего вида показался чёрный автомобиль.

Он ехал без фар. Номерных знаков не было. Вместо лобового стекла светилась белая прямоугольная поверхность, и на ней крупными буквами печаталось:

ОСТАНОВИТЕСЬ ДЛЯ УТОЧНЕНИЯ СВЕДЕНИЙ.

Мы ускорились.

Через квартал надпись сменилась:

ВАШЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ УСТАНОВЛЕНО.

Ася резко свернула в подземный въезд старого торгового комплекса. Колёса взвизгнули по мокрой плитке. За нами с хлопком опустился шлагбаум.

— Он не остановит машину, — сказал я.

— Знаю. Выходите.

— Ты только что велела мне пристегнуться.

— Я переменила мнение.

Мы выбрались на нижнюю парковку. Здесь пахло бензином, старым цементом и жареным луком из кафе на верхнем этаже. Лампы дневного света мигали через одну. У колонн стояли пыльные автомобили, прикрытые чехлами, на которых можно было рисовать семейные портреты.

Ася отперла металлическую дверь с надписью «ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОХОД».

— За мной.

Мы прошли по узкому коридору, спустились по лестнице, пересекли помещение с отключёнными холодильными установками. Издалека слышались удары, будто кто-то катил по полу тяжёлые металлические шкафы.

— Сюда? — спросил я, увидев новую дверь.

— Именно сюда.

На ней не было ни ручки, ни замка. Только прямоуголь-

ный след от когда-то висевшей таблички.

Ася прижала к пустому месту ладонь.

Дверь открылась.

— Куда она ведёт? — спросил я.

— В место, которого нет в городских адресах. Мы называем его «Неприсвоенный».

— Романтично. Судя по запаху, там живут сантехники.

— Иногда.

За дверью находилась старая типография.

Не музейная, не отреставрированная ради хипстеров, а настоящая: тяжёлые машины, с десятками рычагов и цилиндров, стены в серой краске, полки с металлическими литерами. На дальнем столе лежали разрезанные листы, будто кто-то прекратил работу посреди дня и не вернулся. Воздух был сухим. Пыль не шевелилась. Я машинально отметил отсутствие окон и всего одного выхода. Как человек, который слишком часто заходит не туда, я оценил это плохо.

Ася вошла последней. Дверь за ней исчезла. Не закрылась, не растворилась. Место, где она была, стало такой же стеной, как остальные.

— Наш старый резервный пункт, — сказала она. — Пока у него нет адреса, служба подтверждения не может открыть на него запрос. Здесь можно перевязаться и осмотреть кейс.

— Чудесно. А выйти как?

Она показала на железный рычаг возле печатного станка.

— Когда понадобится, назовём дверь.

— Произнесём её имя три раза?

— Нет. Дадим ей номер. Никто не отменял бюрократию, Северин.

У меня заболела голова. Я понял, что это она пытается шутить.

Варя тем временем прошла к большому наборному шкафу, остановилась перед пустой ячейкой и сказала:

— Тут была одна лишняя буква.

Ася застыла.

— Какая?

— Не знаю. Её изъяли.

— Откуда ты знаешь?

— Я помню место, — ответила Варя. — Не букву.

Девочка повернулась ко мне.

— В прошлом мире она ещё лежала здесь.

Тишина после этих слов стала такой плотной, что я отчётливо услышал собственное дыхание.

— В каком прошлом мире? — спросил я.

Варя указала на моё запястье.

— В том, где у тебя был другой номер.

Она больше ничего не сказала.

Я хотел схватить её за плечи и вытрясти из неё все ответы, какие у неё были. Но перед глазами встало лицо Ники. Не последние слова — они исчезли. Не смех — его тоже забрали. Только фотография, которую я держал в кармане. И подпись под заявлением, которое я якобы сделал собствен-

норучно.

Если я уже однажды устроил какую-то чудовищную катастрофу, почему сейчас единственный человек, который знает об этом, девятилетняя девочка с дыроколом?

Мне не нравилось, как складывается уравнение.

И ещё меньше нравилось, что в нём, кажется, не хватало неизвестных.

. . .

Шить живого человека я не умею. К счастью, Ася тоже не собиралась заниматься художественным рукоделием. Она нашла в ящике с инструментами аптечку, дату изготовления которой я предпочёл не проверять, и промыла мою рану так основательно, будто хотела наказать за все жизненные ошибки разом.

— Надо в больницу, — сказала она, рассматривая плечо. — Кость не задета. Но кровопотеря серьёзная, и этим набором мы только остановим её.

— Поставь мне галочку в графе «условно жив».

— Она уже стоит. Давно.

Я повернулся.

— Что?

Ася затянула повязку.

— Это выражение. Не делайте такое лицо.

Но я видел: она осеклась не потому, что сказала что-то

смешное.

— Ты знала, кто я, когда позвала в центр? — спросил я.

— Знала, что вы специалист по возврату имущества с необычно высоким процентом выживаемости.

— Очень дипломатично.

— И что у вас шесть лет не закрывается личное дело. По человеку, которого официально не существовало. Вашей сестре.

Мне захотелось встать. Пришлось остаться сидеть.

— Я не рассказывал тебе о Нике.

— Вы не рассказывали. Но сведения о таких запросах попадают в Управление. Не все. Те, которые повторяются чаще трёх раз. Вы подали сорок семь обращений.

Я помнил каждое.

Полиция. ЗАГС. Школа. Больница. Министерство. Бумажные письма, электронные заявления, личные визиты. В конце концов мне начали отвечать одной и той же формулировкой: «Гражданка с указанными данными в реестре не обнаружена». Я даже придумал для этой фразы мелодию, от которой однажды едва не лишился рассудка.

— И поэтому меня выбрали для задания?

— Нет. Поэтому я решила вас проверить до отправки.

— Очень мило с твоей стороны. Проверила?

— Теперь да.

Она положила чёрный кейс на стол.

— Я думала, вы увидите сестру в документах и сделаете

глупость. Но не понимала, насколько большую.

— А сама ничего глупого никогда не делала?

Ася взглянула на обломки скобы, которые бережно держала в ладони.

— Достаточно, чтобы уметь отличать повторение от случайности.

На этот раз я не стал шутить.

Варя сидела на наборном столе, болтала ногами и перебирала металлические литеры. Она поставила рядом друг с другом «Я», «Е» и «С», потом поменяла их местами. Получилось «СЕЯ». Она нахмурилась и разобрала слово.

— Не играйся с ними, — сказала Ася. — Здесь не всё безопасно.

— Я знаю.

— Откуда?

— Ты уже спрашивала.

Ася с силой закрыла аптечку.

— Скажи честно, девочка. Ты человек?

Варя перестала болтать ногами.

— А это обязательно?

Вопрос прозвучал так тихо, что мне стало неловко за всех взрослых сразу.

Я пожал плечами. Здоровым.

— Смотря для чего. Для налоговой, например, желательно. А для компании — не обязательно. Книга у тебя есть, дырокол есть, разговариваешь лучше большинства моих зна-

комых.

Варя посмотрела на меня долгим взглядом.

— Когда ты говоришь глупости, я почти забываю, какой ты был.

— Считай, мы оба в выигрыше.

Ася придвинула кейс ко мне.

— Попробуйте открыть.

— У него замок?

— Три. Два механических и один служебный. Последний не принимает мой допуск.

На крышке кейса были вдавлены три чёрных кружка. Прежде я принял их за следы от заклёпок. Теперь понял, что они расположены точно так же, как нули на моём запястье.

Я положил ладонь на металл.

По коже прошла холодная волна. Кружки один за другим стали белыми, будто их нагрели изнутри. Кейс тихо щёлкнул.

ПРАВО ДОСТУПА Б-000 ПОДТВЕРЖДЕНО.СОТРУДНИК БЕЗ ДОЛЖНОСТИ.ВСКРЫТИЕ РАЗРЕШЕНО НА ВРЕМЯ ДОКУМЕНТООБОРОТА.

— Ты говорила, назначение приостановлено, — напомнил я.

— Приостановлено, — ответила Ася. — Но не отменено.

— Люблю, когда меня устраивают на работу без собеседования.

Внутри лежали прозрачные листы размером с книжную страницу, зажатые между двумя пластинами тёмного стекла.

Ни единой электронной схемы. Ни одного экрана. Угол каждого листа был помечен годом и двумя словами: «РЕДАКЦИЯ ГОРОДА».

Ася осторожно подняла верхний лист.

Лисогорск возник над столом.

Не фотография и не голограмма. Из воздуха выступили улицы, кварталы, мосты. Настоящий город, только крошечный, прозрачный и замерший на глубине нескольких сантиметров от бумаги. По крышам домов скользили тени облаков, хотя над типографией не было неба.

Я увидел центр документов. От него шла красная трещина до площади у фонтана. Трещина медленно затягивалась, оставляя за собой бледный шов.

Рядом горели маленькие цифры: 09.

— Девятая редакция, — сказала Ася.

— Как годовые версии программы?

— Скорее как черновики, которые кто-то печатает поверх предыдущих. Иногда аккуратно. Иногда с ошибками.

Она перевернула лист. Город изменился. В одном месте исчезла улица. В другом вместо школы стоял парк. По мосту, который я помнил с детства, теперь текла река.

— Это же не может быть настоящим прошлым, — сказал я. — Я был там. Школа стояла на месте.

— В этой редакции — да.

— А в другой?

Ася посмотрела на Варю.

— В другой, возможно, нет.

Я осторожно коснулся границы улицы на прозрачном листе. В глазах на секунду потемнело. Потом возникли те же серые строки, что возле Виктора Васильевича:

ИЗМЕНЕНИЕ ВНЕСЕНО.ОБЪЕКТ: УЛИЦА КОРАБЕЛЬНАЯ.ПРЕДЫДУЩЕЕ НАИМЕНОВАНИЕ: НЕ ПОДЛЕЖИТ ВОССТАНОВЛЕНИЮ.ПРИЧИНА: СВИДЕТЕЛЕЙ НЕ ОСТАЛОСЬ.

Рядом проступили чужие, зачёркнутые названия. Они двигались, как насекомые, спрятанные между страницами.

Я отдёрнул руку. Текст ещё несколько секунд стоял перед глазами.

— Что вы увидели? — спросила Ася.

— Как будто черновик. И то, что вычеркнули, прежде чем выдать нам окончательный текст.

Она придвинулась ближе.

— Раньше вы так могли?

— До сегодняшнего дня я не умел даже вовремя платить за квартиру.

— Значит, это остаточный эффект исправления. Вы изменили правило и получили доступ к следам прежних версий.

— Полезный подарок.

— Не считайте его подарком. Любое чтение старой редакции заставляет мозг сравнивать её с нынешней. Если прочитаете слишком много, не будете знать, какую из них помните на самом деле.

Мне стало не по себе.

Я и без того потерял последние слова Ники. Если теперь начну вспоминать улицу, на которой вырос, так, словно она всегда вела не к дому, а в реку, однажды перестану понимать, кто я.

Варя смотрела на меня без радости.

— В прошлый раз ты очень много читал, — сказала она.

— И что случилось?

Она провела пальцем по пустой ячейке наборного шкафа.

— Исчезла буква. Не только отсюда.

Ася медленно опустила лист.

— Скажи какую.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что её больше нет. Как я могу произнести то, чего не существует?

Мы замолчали.

Наконец Ася отложила верхнюю карту и вынула из кейса небольшой конверт. Он был скреплён чёрной ниткой. На обороте значилось: «Для носителя пропуска Б-000. Вручить после третьего подтверждения».

— Сколько подтверждений было? — спросил я.

Она пересчитала отметки на кейсе.

Два кружка были белыми. Третий оставался чёрным.

— Два, — сказала она.

— Значит, пока не вскрывать.

— Вы серьёзно собираетесь соблюдать инструкции после всего, что произошло?

— Пытаюсь разнообразить жизнь.

Варя спрыгнула со стола.

— Правильно. Третье подтверждение нужно тому, кто оставил конверт. Не нам.

Я взглянул на чёрную нитку.

Тот, кто положил письмо внутрь, знал о моём номере. Знал, что я доберусь до кейса. И предусмотрел, что однажды мы начнём задавать вопросы.

На прозрачном городе зажглась новая красная точка.

Я наклонился.

Точка находилась прямо в нашей типографии.

— Ася, — сказал я, — ты ведь говорила, что нас здесь нельзя найти.

— По адресу нельзя.

— А это что?

Под красной точкой медленно проявилась строка:

СОБЫТИЕ: НЕСАНКЦИОНИРОВАННОЕ ВСКРЫТИЕ ВЕЩЕСТВЕННОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.

Ася тихо выругалась.

— Как я и говорила, — сказала Варя, — они найдут событие.

Откуда-то из глубины типографии раздался первый удар печатного станка.

Мы все посмотрели в ту сторону.

Станок был отключён. Я лично видел, как его толстый силовой кабель оканчивался обугленным обрывком.

Удар повторился.

Потом ещё один.

Из машины вылез узкий белый лист и медленно пополз на пол. На нём крупно отпечатались слова:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ПРИСВОЕНИИ АДРЕСА.

— Плохая новость? — уточнил я.

— Худшая, — сказала Ася.

Печатный валик провернулся ещё раз. В верхней части документа появились дата, подпись и круглая печать. Ниже возникло «МЕСТО НАХОЖДЕНИЯ: ОЖИДАЕТ ПУБЛИКАЦИИ».

— Пока лист не выйдет полностью, адрес не вступит в силу, — выдохнула Ася. — И они не смогут войти.

— Тогда остановим станок.

— Попробуйте.

Я бросился к машине, на ходу выдёргивая из карманов всё, что могло застрять в механизме: ключи, монеты, болт, который почему-то носил уже третью неделю. Ключи ударя-

ли о валик и расплющились. Монеты превратились в тонкие кружки. Болт исчез бесследно.

Станок даже не замедлился.

— У него, похоже, хорошее техобслуживание!

Ася попыталась перевернуть тяжёлый стол и подпереть им подающий лоток. Стол дрожал, но не двигался. Варя вставила металлическую литеру между зубцами шестерни. Литера согнулась, как тёплый воск.

Адрес продолжал проявляться.

УЛИЦА:

На листе началась печать букв.

— Северин! — крикнула Ася. — Если документ выйдет, нас зарегистрируют. И тогда этот пункт исчезнет как укрытие!

Я вдруг увидел над станком серое предложение. Оно дрожало, проступая поверх новой печати:

ОПУБЛИКОВАНИЕ СЧИТАЕТСЯ СОСТОЯВШИМСЯ ПОСЛЕ ПЕРЕДАЧИ ДОКУМЕНТА НА ХРАНЕНИЕ.

След старой редакции.

А ниже — новая:

ОПУБЛИКОВАНИЕ СЧИТАЕТСЯ СОСТОЯВШИМСЯ В МОМЕНТ ЗАВЕРШЕНИЯ ПЕЧАТИ.

Я остановился.

— Ася! Где у этого чудовища хранение готовых листов?

— В лотке слева!

— А где именно заканчивается печать?

Она посмотрела на вращающийся цилиндр.

— После последнего символа!

— Значит, нам надо не остановить станок. Нам надо помешать ему напечатать последний символ.

— Чем?!

Я протянул руку к наборному шкафу.

Там лежали десятки маленьких металлических букв. Для каждого слова была своя. И одна ячейка оставалась пустой — та самая, перед которой Варя сказала, что в предыдущем мире была лишняя литера.

Я не знал, какая буква исчезла из прошлой редакции.

Но печатная машина знала.

Она уже начинала оставлять на бумаге слово «ТИПОГРАФИЯ». А за ним, в адресной строке, должно было последовать наименование улицы. Я видел это по движению валика, по едва заметному повороту механизма, по тому, как на штамповочном колесе набирались новые литеры.

Только в памяти машины сохранился старый комплект.

И в том комплекте было пустое место.

— Варя! — крикнул я. — Как ты заметила ячейку?

— Она чужая!

— Чужая чему?

— Этому миру!

Ответ был отвратительно неточным, но в сложившихся обстоятельствах я согласился и на него.

Я схватил с полки металлическую рамку для набора и сунул её в зазор между печатной головкой и бумагой. Рамка тут же начала нагреваться. Валик дёрнулся, намереваясь переломить мне пальцы.

На раме вспыхнула тонкая белая строка:

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ НАБОРА НАРУШЕНА.ВОССТАНОВИТЕ ОТСУТСТВУЮЩИЙ ЗНАК.

— Не могу! — заорал я. — Он отсутствует!

Станок ударил сильнее.

Варя вложила мне в ладонь дырокол.

— Проколи документ, — сказала она.

— Ты же сама сказала: он делает дырки в документах. Не в правилах!

— Это документ. Пока не допечатан.

Я оглянулся на неё.

За спиной шелестела бумага. На стене, где раньше была дверь, проступал прямоугольник с латунной табличкой. Надпись на ней менялась каждую секунду: «АРХИВ», «ПРОВЕРКА», «РЕГИСТРАТУРА». За табличкой кто-то медленно проводил ногтем по металлу.

Никакого времени на остроумие больше не оставалось.

Я прижал дырокол к листу. Сталь звякнула. Два чёрных кружка прорезали бумагу точно в том месте, где должна была появиться последняя буква адреса.

Машина остановилась.

На секунду типография замерла вместе с нами.

Потом из станка раздался сухой, оскорблённый голос:

— ТЕКСТ НЕПОЛОН.

Ася отступила от стены.

— Получилось?

— Если на меня не подадут в суд за порчу документов, то да.

Станок застонал. Шестерни начали вращаться в обратную сторону. Из его нутра посыпались белые листы — не десятки, а тысячи. На каждом был один и тот же недопечатанный адрес, и в каждом зияли два чёрных отверстия. Бумага летела вверх, билась о потолок, закручивалась под ногами.

Мы не победили систему.

Мы заставили её печатать собственную ошибку снова и снова.

Я посмотрел на запас листов, который не собирался кон-

чаться, и понял, что нашел способ не умереть немедленно. На неопределённый срок это, к сожалению, не распространялось.

— Выход, — сказала Ася, хватая кейс. — Немедленно.

Она бросилась к рычагу на стене. Потянула.

Ничего.

— Двери нужен номер! — крикнула она. — Дайте ей номер!

— Какой? — спросил я.

— Любой, которого нет среди существующих помещений!

Я взглянул на нули на запястье.

— Номер ноль, — сказал я.

По стене прошла трещина. В её глубине вспыхнула цифра «0». Под цифрой появилось:

СЛУЖЕБНЫЙ ВЫХОД.
ДОСТУП ВРЕМЕННЫЙ.

Дверь раскрылась.

За ней тянулся узкий тёмный коридор, и в конце мерцал дневной свет.

Варя первой бросилась внутрь. Ася толкнула меня следом. Я обернулся лишь один раз.

Печатный станок продолжал работать. Столб бумаги поднимался к потолку, складываясь в белую, почти человече-

скую фигуру. На том месте, где должно было быть лицо, два чёрных отверстия смотрели друг на друга.

И я услышал, как из-за стены, уже почти потерявшей свою форму, раздался голос Грекова:

— Ничего страшного, господа. Адрес нам не нужен. Теперь у нас есть образец подписи.

Дверь захлопнулась.

. . .

Коридор вывел нас к зарешеченному световому колодцу. Наверху, далеко над головой, шумел город. По трубам бежала вода. Пахло железом и свежей краской — запахами совершенно обыкновенными, и именно поэтому я готов был их обнять.

На часах было 12:26.

Вся погоня, спасённый старик, один угнанный автомобиль, один недопечатанный адрес и несколько тысяч испорченных бланков заняли меньше получаса.

Нормальные люди за это время успевают пообедать. Я успел основательно разочароваться в государственной системе.

Ася привалилась к стене. Кейс она держала обеими руками, будто отнимала у него право сбежать.

— Он сказал «образец подписи», — произнесла она. — Вы понимаете, что это значит?

— Что мне придётся учиться расписываться левой рукой?

— Подпись связывает документ с заявителем. Теперь Грекову не надо искать ваше имя, местоположение или номер. Он сможет предъявлять ваши заявления. Даже если вы их никогда не подписывали.

Я нащупал в кармане серую папку. По пальцам снова прошёл холод.

— Но одно заявление я вроде как подписал.

— Вроде как, — повторила она. — Не начинайте верить документу только потому, что там ваш почерк.

— Ты минуту назад сама говорила, что подпись связывает человека и заявление.

— В нормальном мире — да. В нашем надо сперва выяснить, кто кого подписал.

Варя села на железную ступеньку, ведущую к решётке.

— В прошлый раз он именно с подписи и начал, — сказала она.

— Греков?

— Нет. Ты.

Я присел напротив неё, морщась от боли в плече.

— Варя. Ты говоришь, что помнишь предыдущий мир. Ты видела меня там. Я просил тебя убить меня. Что ещё ты помнишь?

Она сложила руки на коленях. Мокрый дождевик шелестел каждый раз, когда она шевелилась.

— Ты был добрее, — сказала она.

— Спасибо, я как раз искал способ улучшить самооценку.

— И страшнее. Ты научился исправлять людей, когда они не соответствовали миру. Сначала — больных. Потом — умерших. Ты говорил, что если правило ошибается, его можно переписать. А если ошибается человек...

Она замолчала.

Я не торопил её.

— А если ошибается человек? — спросила Ася.

— Его можно сделать таким, чтобы он больше никогда не ошибался.

Мне показалось, что по коридору пробежал сквозняк. На самом деле воздух даже не шевельнулся.

— И что с ними случилось? — спросил я.

Варя медленно подняла глаза.

— Они перестали быть собой. Но тебе было трудно это заметить. Ты тогда уже забыл, кем был сам.

Я представил спасённого Виктора Васильевича с его конвертом. Представил, как легко было бы «исправить» старика: убрать диабет, долги, старость. А заодно страх, слабость, привычку опаздывать к внучке. Получился бы отличный человек. Настолько отличный, что внучка, возможно, не узнала бы деда.

— Значит, так делать нельзя, — сказал я.

— Ты раньше тоже так говорил.

В этом была вся проблема.

Можно дать себе слово не превращаться в чудовище. Но если чудовище — это ты, только после сотни маленьких правильных решений, никакое слово не поможет.

Я протянул Варе дырокол. Она не взяла.

— Оставь, — сказала она. — Я не могу каждый раз быть рядом.

— Почему?

— Потому что меня ещё не придумали. И когда они возьмутся за это, я стану другой.

Ася посмотрела на девочку с внезапной жалостью, которая исчезла с её лица прежде, чем Варя успела её заметить.

— Я не позволю, — сказала Ася.

— Это ты тоже уже говорила, — ответила Варя.

Мы стояли втроём в коридоре, которого не должно было быть. Один человек не помнил, кем был. Другой лишился своего рабочего инструмента, но продолжал вести себя так, будто ещё мог командовать происходящим. Третий не был уверен, что его вообще придумали.

Начало прекрасной команды.

Кейс у Аси в руках щёлкнул.

На крышке зажёгся третий кружок.

Мы все услышали звук рвущейся нитки.

Ася поставила кейс на ступеньку и открыла его. Чёрный конверт внутри распахнулся сам. Из него выпал один узкий лист.

Я поднял бумагу.

Она была похожа на стандартную справку из ЗАГСа. Настолько обычную, что хотелось немедленно спросить, где получить её в трёх экземплярах.

Вверху стояло:

РЕЕСТР НЕСОВПАДАЮЩИХ ЛИЧНОСТЕЙ.

Ниже:

СЕВЕРИН ИЛЬЯ ИГОРЕВИЧ.ДАТА ВОЗНИКНОВЕНИЯ РАСХОЖДЕНИЯ: 15 АПРЕЛЯ, ШЕСТЬ ЛЕТ НАЗАД.ЗАРЕГИСТРИРОВАНО ДЕЙСТВУЮЩИХ ЭКЗЕМ-

ПЛЯРОВ: 2.ОРИГИНАЛ: ПРИСУТСТВУЕТ.ВТОРОЙ ЭКЗЕМПЛЯР: ОШИБОЧНО ДОПУЩЕН К САМОСТОЯТЕЛЬНОМУ СУЩЕСТВОВАНИЮ.

Внизу была ещё одна строка. Её заполнили сегодняшней датой.

ПРОВЕРКА ПОДЛИННОСТИ НАЧАТА.ОДИН ЭКЗЕМПЛЯР ПОДЛЕЖИТ УНИЧТОЖЕНИЮ.

Ася медленно подняла взгляд на меня.

— Северин...

— Не надо, — сказал я. — Дай мне секунду.

Сверху раздался скрип решётки.

Я посмотрел вверх.

На улице, на фоне серого неба, кто-то стоял над световым колодцем. Мужчина в тёмной куртке. Он отодвинул решётку так легко, словно она была картонной, и наклонился к нам.

У него было моё лицо.

Тот же сломанный когда-то нос. Та же маленькая белая полоска над правой бровью. Только глаза были другими: спокойными, усталыми и абсолютно не удивлёнными.

Мужчина посмотрел на моё окровавленное плечо, на Варю, на кейс, а потом печально покачал головой.

— Я же просил не открывать папку, — сказал он моим голосом.

Он улыбнулся.

— Ладно, Илья. В этот раз попробуем без убийства.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
Оригинал предъявить

— В этот раз попробуем без убийства, — повторил человек с моим лицом.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы оценить предложение. В прошлые годы условия переговоров у меня бывали лучше, но не намного.

— Согласен, — сказал я. — Только предупреждаю: после половины дня, проведённой в городских учреждениях, я могу сорваться на грубость.

Незнакомец посмотрел на моё перевязанное плечо.

— Оно у тебя всё ещё кровит.

— Замечательное наблюдение. У нас с вами, похоже, даже медицинское образование одинаковое.

Он не улыбнулся. Это было неприятно. Чужой человек с твоим лицом должен хотя бы смеяться над твоими шутками. Иначе ради чего вообще затевать такое безобразие?

Ася встала между нами и подняла чёрный кейс, словно в нём хранилось табельное оружие. После гибели скобы она осталась без единственного средства, способного разрезать границу Сдвига. И всё равно держалась так, будто готовилась арестовать половину города, а со второй провести профилактическую беседу.

— Кто вы? — спросила она у мужчины наверху.

— Илья Северин.

— Неправильный ответ.

— У меня к нему ровно та же претензия, — сказал он, кивая на меня.

Варя, сидевшая на ступеньке, крепче обняла свою книгу. Ни испуга, ни удивления. Её лицо стало таким, каким бывает лицо ребёнка, который услышал за дверью ссору родителей и заранее знает, чем всё закончится.

— Не подходи, — сказала она второму мне.

— Варя.

Одно слово. Сказано спокойно, почти ласково. Девочка вздрогнула сильнее, чем если бы он закричал.

— Я помню, что обещал, — сказал мужчина.

— Ты всегда помнишь обещания, — ответила она. — Пока не решишь, что обещание было ошибкой.

Я посмотрел на них по очереди.

— У нас тут, видимо, семейный разговор, на который меня не пригласили. Можно получить краткое содержание предыдущих сезонов?

Сверху посыпалась ржавчина. Незнакомец отодвинул решётку ещё дальше, присел на корточки и спрыгнул в колодец.

Высота была метров пять. Он приземлился на обе ноги, едва согнув колени. От удара на стене осыпалась старая побелка. У меня при виде этого заболело здоровое плечо.

Вблизи сходство оказалось отвратительным. Мой нос, когда-то сломанный на школьной драке. Шрам над бровью — белая тонкая полоска. Маленький ожог на левой ладони, полученный в двенадцать лет, когда я пытался самостоятельно починить тостер. Даже привычка чуть разворачивать правую стопу наружу была той же самой.

Только лицо у него было старше. Не на годы — на решения. Под глазами залегли тени, а на шее виднелся тонкий поперечный рубец, словно однажды кто-то попытался вычеркнуть из него голос и не довёл работу до конца.

Он остановился на расстоянии двух шагов.

— Не трогай меня, — сказал он.

— Я, конечно, скучал по себе, но обниматься не собирался.

— Я серьёзно. Пока мы рядом, нельзя касаться друг друга.

Я уже собирался спросить почему, когда у обоих на запястьях зажглись три чёрных нуля.

У меня — горячо, будто под кожу засунули раскалённую проволоку. У него — холодным белым светом.

Из раскрытого чёрного кейса выдвинулся прозрачный лист. На нём одна за другой появлялись строки.

ОБНАРУЖЕНО НАЛОЖЕНИЕ ДВУХ НЕЗАВЕРШЁННЫХ БИОГРАФИЙ.

СТАТУС: ОДНОВРЕМЕННОЕ ПРИСУТСТВИЕ НЕДОПУСТИМО.

ДО АВТОМАТИЧЕСКОЙ СВЕРКИ: 00:19:59.

Я успел увидеть, как последняя цифра сменилась на восьмёрку.

— Так, — сказал я. — Времени на знакомство у нас меньше, чем на бесплатной парковке.

Второй Северин впервые посмотрел на кейс с явным раздражением.

— Ты открыл третий конверт.

— Он сам открылся.

— Это не оправдание. Капкан тоже срабатывает сам. Из него не следует делать вывод, что медведю стоило совать туда лапу.

— У него мой голос и мой характер, — пробормотал я. — Сочувствую всем знакомым.

Ася забрала прозрачный лист, чтобы рассмотреть строку

ближе. От пальцев на стекле оставались маленькие серые отпечатки, которые тут же исчезали.

— Девятнадцать минут до чего? — спросила она.

— До того, как город решит, какой из нас настоящий, — ответил мужчина. — Второго удалят из действующей версии. Без тела. Без могилы. С теми воспоминаниями, которые он успел оставить у других.

— А можно подать апелляцию? — спросил я.

— Можно.

Я воспрянул духом.

— Срок рассмотрения — тридцать рабочих дней, — добавил он.

— Вот теперь я узнаю родное государство.

Второй протянул Асе складной лист бумаги.

— Если хотите прожить больше девятнадцати минут, нам нужно попасть в узел свидетельств под старой телефонной станцией. Он в двух кварталах отсюда. Там можно приостановить сверку.

— А почему бы нам не разойтись? — спросила Ася. — Если вы не будете находиться рядом, наложение исчезнет.

— Раньше так и было. Греков изменил правило. Теперь уже достаточно, что нас увидели вместе.

Он посмотрел на меня.

— Твоё имя у него есть. Моя подпись — тоже. Осталось свести их в одной записи.

Я почувствовал холод в животе.

— Значит, Греков работает с тобой?

— Он работает с бумагами. В этом его главное моральное преимущество: ему всё равно, что на них написано, пока документ подписан правильно.

Из-за спины второго меня донёсся звук, похожий на скрип старого ксерокса.

На стене колодца появились две одинаковые тени.

Наши тени.

Только обе принадлежали ему.

Вторая тень отлипла от стены и повернула ко мне голову. На том месте, где у тени должно было быть лицо, возникла узкая белая полоска.

ОБРАЗЕЦ ДЛЯ СВЕРКИ ИЗЪЯТ.

— Поздно, — выдохнул второй Северин. — Он уже прислал Сопоставителя.

Белая полоска развернулась. На ней медленно проявились зубы — не человеческие, а напечатанные мелким шрифтом. Каждое острие было буквой.

— Бежим, — сказала Ася.

— Как хорошо, что ты наконец произнесла мою любимую команду, — ответил я.

. . .

Наверх мы выбрались через пожарную лестницу, которую второй Северин опустил из стены одним движением. До этого стены там не было. Я решил не спрашивать, откуда он знает, за какой кирпич потянуть. С каждым новым ответом моя биография становилась всё менее убедительной.

Варя шла первой, второй я прикрывал её сзади. Ася придерживала меня под здоровую руку, хотя я дважды сказал, что дойду сам. На третий раз она ответила, что если я упаду, тащить будет тяжелее, и вопрос потерял актуальность.

Город над колодцем выглядел обычным. Машины стояли на светофорах. Под козырьком табачного киоска парень ругался по телефону. Курьер в зелёной куртке ел булочку прямо на велосипеде. Никто не подозревал, что через двадцать метров от него двое мужчин с одним лицом пытаются договориться о праве продолжать существовать.

Отсюда исходило странное утешение. Мир может заканчивать тебя лично и при этом совершенно не отвлекаться от чужого обеда.

Мы двинулись вдоль забора ремонтируемого сквера. На моём запястье теперь шёл обратный отсчёт — не цифрами, а короткими тёмными штрихами, как на шкале старого термометра. Один за другим они исчезали.

— Ты хотя бы объясни, откуда взялся, — сказал я второму Северину.

— Не сейчас.

— Отлично. У меня два двойника: один физический, дру-

гой — недосказанность.

— Скажу достаточно, чтобы ты не совершил глупость. Шесть лет назад существовал один Илья Северин. После пятнадцатого апреля нас стало двое. Один остался в городе, жил прежней жизнью и искал Нику. Второй занимался тем, чтобы её не нашли.

— Кто из нас второй?

Он не ответил.

Вместо этого показал мне правую ладонь. На ней было выжжено маленькое слово: «ОТКАЗ».

— Если кто-то попросит тебя подписать акт, сперва прочитай то, что стоит над подписью. Неважно, насколько отчётливо ты услышишь собственный голос.

— Это намёк на твою привычку подделывать документы?

— Это предупреждение о твоей привычке им верить.

Я хотел ответить, но Варя резко остановилась.

— Смотрите на окна.

На первом этаже жилого дома отражались четыре прохожих: женщина с коляской, мужчина с сумкой, Ася и Варя. Мы с другим Севериным стояли перед стеклом, но не отражались ни один.

В следующем окне отражение было.

Одно.

Оно шло между нами и двигало губами, будто пыталось рассказать что-то важное. Я не слышал ни слова.

Потом отражение ударило ладонями изнутри стекла.

Окно треснуло.

— Не смотри, — сказал второй.

Поздно. Я увидел за трещиной свою кухню. Чашку с отбитой ручкой. Счёт за электричество, зажатый под сахарницей. На холодильнике висела фотография Ники — та самая, которую я носил в кармане. Только теперь возле неё стоял незнакомый мне мальчик лет пяти.

Он смотрел прямо на меня.

— Папа? — спросил мальчик.

Стекло осыпалось на тротуар.

За окном оказалась пустая комната после ремонта. Ни кухни, ни ребёнка.

Я встал как вкопанный.

— Что это было?

Второй Северин схватил меня за ворот куртки — осторожно, не касаясь кожи.

— Незавершённая биография. Сопоставитель показывает то, что можно было бы подшить к тебе как доказательство. Не принимай ни одно воспоминание, которого у тебя не было утром.

— Утром я и так мало что помнил.

— Значит, тебе будет сложнее.

На противоположной стороне улицы загорелся светофор. Все три его секции стали белыми. Над дорогой раздался мягкий женский голос:

— Пешеходам с неподтверждённой личностью переход

запрещён.

Рядом с бордюром вытянулась живая полоса теней. Из неё поднялась плоская фигура, похожая на человека, сложенного из снимков на документы. На месте головы сменялись лица: моё, чужое, моё, лицо девочки, которой я никогда не видел. Сопоставитель вытянул руку и приложил к воздуху две прозрачные фотографии.

Одна изображала меня.

Вторая — тоже.

Он свёл их вместе.

И у меня за спиной что-то хрустнуло.

Хрустнула не кость.

За моей спиной треснуло зеркало заднего вида на припаркованной машине. В нём было моё отражение — и оно на секунду оказалось старше. Сопоставитель отыскал разницу и принялся её устранять.

По руке побежали мурашки. На тыльной стороне ладони возникло пятно седой кожи, словно я прожил лишних сорок лет за одну секунду.

— Дырокол! — крикнул второй Северин.

Варя уже протягивала мне металлического жука. Я бросился к Сопоставителю, стиснув рукоятки. Он не двигался — только держал снимки и постепенно совмещал их, будто фотограф, который никак не добьётся резкости.

— Не на нём! — закричала Варя. — На снимке!

Я сунул дырокол между двумя прозрачными пластинка-

ми, прямо туда, где отпечатались наши лица.

Сталь врезалась в бумагу.

Раздался щелчок.

На мгновение улица исчезла. Я стоял перед огромным белым столом, освещённым одинокой лампой. Над столом нависали руки, каждая длиннее многоэтажного дома. Они раскладывали две фотографии, подравнивая углы. В одной была прорезана пара аккуратных отверстий.

— Брак, — произнёс голос, от которого у меня заболели зубы.

Лампа погасла.

Я снова оказался на улице, лёжа на грязной плитке. Сопоставитель взорвался серыми карточками. Они кружили вокруг него, словно стая мелких злых птиц. Моё запястье перестало гореть, но чёрные штрихи на нём продолжали исчезать.

— Он вернётся, — сказал второй Северин и протянул мне не руку, а конец собственного шарфа. — Вставай.

— Вы же советовали не прикасаться.

— Шарф не зарегистрирован на моё имя.

— Прекрасная лазейка. Ещё немного — и мы научимся дружить через нотариуса.

Ася уже тащила Варю к перекрёстку. Курьер на велосипеде обернулся, вытаращился на наши одинаковые лица, сбил мусорную корзину и, не снижая скорости, уехал. Мудрый человек. В Лисогорске долголетие напрямую зависело от уме-

ния вовремя не задавать вопросы.

Мы свернули в проезд между пекарней и закрытым банком. Над банком висела выцветшая реклама: «БУДУЩЕЕ НАЧИНАЕТСЯ СЕГОДНЯ». Кто-то дописал маркером: «ОБРАТНОГО ПРИЁМА НЕТ».

— Ты знал, что у меня будут эти отверстия на снимках? — спросил я второго Северина.

— Надеялся. В прошлой версии дырокол работал лучше.

— Отличное начало разговора о гарантии.

Он замедлил шаг и вдруг посмотрел на меня так, будто не мог решить, кого видит.

— Скажи одну вещь. Ты всё ещё носишь её фотографию?

Я машинально прикрыл карман.

— Ники?

— Да.

— Ношу.

— Тогда не показывай мне. Ни при каких обстоятельствах.

Слова прозвучали не как просьба. Скорее как предостережение человека, который знает, чем заканчивается одно конкретное движение.

— Почему?

Он оглянулся на Варю.

— Потому что я не помню, как она выглядит.

Я остановился.

За шесть лет я успел привыкнуть к тому, что о Нике не

помнит никто. Но услышать это от человека с собственным лицом оказалось совсем иначе. Словно моя последняя опора внезапно призналась, что её держат на клею.

— Ты же сказал, что занимался её защитой.

— И занимался. Чтобы скрыть человека от тех, кто ищет по имени, недостаточно стереть фамилию из базы. Рано или поздно они находят тех, кто может описать лицо.

Он коснулся рубца на шее.

— Я выбрал не уметь.

— А мне оставил фотографию. И сорок семь заявлений.

— Тебе оставили жизнь, в которой можно было о ней помнить. Это было важнее.

— Для кого?

Он не ответил. А я впервые подумал, что передо мной не хладнокровный злодей из чужого рассказа. Передо мной человек, который сделал что-то непоправимое, а потом шесть лет прожил рядом с результатом и не смог его исправить.

Варя вернулась и потянула меня за рукав.

— Вы оба снова спорите о ней, — сказала она. — Если продолжите, вас найдут не по подписи.

— А по чему?

Девочка показала на выбоину в асфальте. В ней отражалось небо, хотя дождь уже закончился. Посреди отражения медленно проступала красная черта, соединяющая две точки.

— По тому, что вы оба хотите одного и того же.

Снова скрип ксерокса.

На стене банка вырос второй Сопоставитель. Теперь у него было три руки. В каждой — фотография с моим лицом. На одной улыбался я, на другой — второй Северин, на третьей — человек, которого я никогда не видел и который при этом был удивительно на меня похож.

— Это что ещё за третий? — вырвалось у меня.

— Не проверяй, — резко бросил другой. — Лови дверь!

Он толкнул железную калитку у торца здания. За ней оказались ступени вниз, хотя по плану там должен был быть мусорный дворик.

Ася первой скользнула в темноту. Варя — за ней. Я прыгнул следом, чувствуя, как боль в плече отдаётся в челюсть.

Позади клацнули невидимые зубцы. За ворот куртки кто-то потянул.

Я обернулся и увидел, что третья фотография отделилась от Сопоставителя. На ней медленно проявлялось имя, перечёркнутое толстой чёрной линией.

Прочитать я не успел.

Второй Северин ударил по калитке ладонью с надписью «ОТКАЗ». Железо захлопнулось и стало гладкой стеной. Снаружи раздался глухой удар.

На его ладони слово потемнело, будто от свежего ожога.

Он поморщился.

— Вот почему я не люблю встречаться с собой, — сказал он. — Расходы удваиваются, а пользы никакой.

Это была первая его шутка.
И именно поэтому мне стало по-настоящему страшно.

. . .

Подземный ход упирался в дверь со старой эмалированной табличкой: «ГОРОДСКАЯ МЕЖДУГОРОДНАЯ СТАНЦИЯ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН».

За дверью было слышно, как звонят телефоны.

Десятки. Сотни.

Не одновременно — каждый на свой лад, будто на другом конце провода люди пытались дозвониться в прошлое и терпеливо ждали, пока кто-нибудь наконец снимет трубку.

Ася распахнула дверь.

Мы вошли в длинный зал с рядами телефонных кабин. Стёкла в них были матовыми от времени. Над каждой дверцей висел номер, но цифры начинались не с единицы. Первая кабина значилась как «—3», следующая «—2», затем «—1». Дальше шли «0», «1», «2» и целый ряд номеров, уходящих в сумрак.

В центре зала стоял коммутатор — огромный деревянный шкаф с тысячами круглых гнёзд. Между гнёздами тянулись красные и чёрные провода. Некоторые концы висели свободно, но из них доносилось тяжёлое человеческое дыхание.

У стойки дежурного сидела старуха в наушниках. Её волосы были уложены аккуратными седыми волнами, на носу держались очки на цепочке. Перед ней лежала раскрытая книга записей. Рядом остывал чай, на поверхности которого плавали три сахарных кубика.

Старуха подняла на нас глаза.

— Опоздали, — сказала она.

— Сегодня это какой-то популярный диагноз, — ответил я.

— Номер вашего обращения?

Ася сделала шаг вперёд.

— Экстренная приостановка сверки. Реестр несовпадающих личностей. Два заявителя.

Старуха взглянула на нас, потом снова опустила глаза к книге.

— Я вижу одного.

— Их двое, — сказала Ася.

— У меня тоже есть глаза, девушка. Я говорю о записях.

Второй Северин подошёл к стойке и положил на неё ладонь с ожогом.

Старуха сняла очки.

— Илья, — прошептала она.

— Здравствуйте, Зоя Аркадьевна.

— Обещали больше не приходить.

— Я много чего обещал.

— С этим трудно спорить. Особенно людям, которых больше нет.

Зоя Аркадьевна закрыла книгу.

— На временную сверку у вас осталось девять минут. По окончании один из вас станет невозможным. Дверь тогда открыть будет уже некому.

Я оглянулся на Асю. Её красный глаз слезился, но она даже не моргала.

— Почему вы сказали «один из вас», если видите в записях одного? — спросил я старуху.

Она посмотрела на меня неожиданно внимательно.

— Потому что люди и записи — разные вещи, молодой человек. Здесь это выясняют чаще, чем хотелось бы.

Старуха протянула руку и подцепила ногтем край страницы. Книга раскрылась на развороте, испещрённом разноцветными чернилами.

— Правила простые, — сказала Зоя Аркадьевна. — Для приостановки уничтожения двух совпадающих записей нужно доказать, что записи ведут к двум самостоятельным событиям. Не к двум именам. Не к двум телам. К двум событиям, которые нельзя заменить друг другом.

— Например, одно событие — я прожил шесть лет в городе, — сказал я. — Другое — этот товарищ красиво прыгает с высоты.

— Кому-нибудь ещё покажете свои прыжки, молодой человек. Здесь нужны свидетельства. Два независимых. Одно из действующей редакции. Второе — из той, где произошло разделение.

Она положила перед нами две карточки. На первой было напечатано «НАСТОЯЩЕЕ». На второй — «15 АПРЕЛЯ».

— У вас три попытки получить подтверждение по каждой линии. После третьего отказа обе записи передадут на принудительное сравнение.

— Обе? — переспросил я.

Старуха кивнула.

— Если вы не докажете различия, системе будет всё равно, кого удалить. Она может просто сложить вас обратно.

На фотографии, которую я увидел у Сопоставителя, были три лица. Два знакомых. Третье — неизвестное. Я подумал, что знаю, чем на самом деле может закончиться это «сложить».

— Нужен только один свидетель из прошлого? — быстро спросил второй Северин.

— Один, если он помнит сам момент возникновения расхождения.

Он повернулся к Варе.

Девочка сразу прижала книгу к груди. На обложке проступили две короткие серые полоски, похожие на следы скоб.

— Нет, — сказала она.

Второй сделал шаг.

— Варя, послушай. С тобой ничего не случится сразу. Тебе просто дадут запись. Имя и дату рождения. Ты сможешь ходить в школу. У тебя будет настоящий дом.

— И настоящая мама? — спросила она.

Он не ответил.

— Они сделают её? — повторила Варя.

— Да.

— Сколько ей будет лет?

— Я не знаю.

— Она меня любит?

Второй Северин закрыл глаза.

— Они впишут, что любит.

Варя чуть улыбнулась. От такой улыбки мне захотелось ударить человека с моим лицом — и пусть потом система сама разбирается, за что.

— Значит, ты опять предлагаешь меня дописать, — сказала она. — В прошлый раз ты тоже сказал, что ничего страшного.

Ася медленно поставила кейс на пол.

— Что будет с её памятью? — спросила она Зою Аркадьевну.

Старуха ответила не сразу.

— Та редакция, которую ребёнок помнит сейчас, для нынешнего города недействительна. Когда у неё появится новая биография, старую признают ошибкой. Воспоминания удалят по мере несовпадения.

— То есть она перестанет помнить нас? — спросил я.

— Возможно, не только вас. Она может перестать помнить, что когда-то была кем-то другим.

Второй Северин посмотрел на часы над стойкой. Стрелки на них не двигались. Вместо цифр по кругу исчезали короткие чёрные линии.

— Другого свидетеля у нас нет, — сказал он.

— Значит, ищем, — ответил я.

— Восемь минут.

— Я уже заметил, что в этом городе с дедлайнами не шу-

тят.

— Илья, — сказал второй очень тихо, — если мы сейчас исчезнем, кому ты поможешь? Ей? Нике? Асе? Ты хочешь спасти одного ребёнка ценой всех остальных?

Вопрос был поставлен так ловко, что я мгновенно узнал манеру. Я сам иногда так спорил, когда хотел любой ценой оказаться правым.

— Ты называешь её ценой, — сказал я. — А она стоит рядом и всё слышит.

— Я называю последствия.

— Нет. Ты называешь последствиями то, за что самому будет стыдно.

Он побледнел.

Мне вдруг стало ясно, что дело не в наших одинаковых лицах. Мы различались уже сейчас. И разница была не в памяти, не в шрамах, даже не в том, что он прожил другую жизнь. Она возникала всякий раз, когда один из нас делал выбор, которого другой не хотел делать.

Зоя Аркадьевна перевернула карточку «15 АПРЕЛЯ».

На обороте красовалась пометка: «СВИДЕТЕЛЬ ОТКАЗАЛСЯ ОТ ПОКАЗАНИЙ».

Под пометкой стояло имя.

АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА ЛИТВИНОВА.

Я поднял голову.

Ася смотрела на карточку как на змею, выползшую из собственной сумочки.

— Это подделка, — сказала она.

Зоя Аркадьевна вздохнула.

— Не всё, чего вы не помните, было подделано.

— Шесть лет назад я не работала в Управлении. Я училась на четвёртом курсе. У меня были экзамены, общежитие, дипломная работа.

— В этой редакции, — произнесла Варя.

— Прекрати, — сказала Ася, но без прежней злости.

Старуха постучала пальцем по карточке.

— Вы присутствовали при первоначальном разделении. Ваше свидетельство было закрыто по собственному заявлению. Если восстановить его, вы снова станете очевидцем. И сможете удостоверить оба самостоятельных события.

— Почему тогда нужно второе подтверждение из настоящего? — спросил я.

— Потому что прошлый свидетель помнит, что они разделились. А нынешний должен подтвердить, что после этого они жили отдельно.

— И кто может сделать это?

Ася медленно подняла глаза.

— Я, — сказала она. — Я видела вас сегодня в центре документов. Видела, как вы спасали людей. А его встретила только сейчас. Но если восстановлю прошлое, моя нынешняя память может измениться.

— А ты в этом помещении разве не видела обоих? — спросил я.

— Одного наблюдения недостаточно. Нужна последовательность событий, у каждого своя, — объяснила Зоя Аркадьевна. — В одной записи можно подтвердить оба статуса, если свидетель отказывается от закрытого раздела памяти. Закон не запрещает помнить, молодой человек. Он лишь редко делает это выгодным.

— Цена? — спросила Ася.

Старуха замолчала.

Где-то в дальних кабинах зазвонил телефон. Затем второй. Потом все сразу.

— Доступ второй линии, — наконец сказала она. — Удостоверение ревизора. Вся ваша защищённая служебная биография. В момент восстановления вы снова станете Анастасией Литвиновой, которая была там шесть лет назад. Не ревизором, которой разрешили об этом забыть.

— Доступ можно получить обратно? — спросил я.

— Может быть. Если начальник, который выдавал его, ещё помнит, зачем.

Ася усмехнулась одними губами.

— Это маловероятно.

— Не надо, — сказал я.

Она посмотрела на меня с неожиданным удивлением.

— Что не надо?

— Не надо отдавать свою жизнь за мою. Ты меня знаешь

часов пять. Причём половину времени я действовал вопреки твоим указаниям.

— Четыре часа двенадцать минут, — уточнила она. — И не половину. Почти всё время.

— Тем более.

— Северин, — сказала Ася, — я не настолько благородна, чтобы спасать вас от последствий собственной глупости. Я хочу вспомнить, почему шесть лет назад согласилась что-то забыть. И почему сегодня мне снова выдали дело вашей сестры, хотя я об этом не просила.

Она забрала карточку у старухи.

— Где подписать?

Второй Северин резко схватил её за запястье. Не серебряное — обычное, человеческое. Ася вскинула на него взгляд.

— Не делай этого, — сказал он.

— Почему?

— Потому что ты вспомнишь, кто я.

И вот тут он впервые испугался по-настоящему.

— Ты его знаешь? — спросила Ася.

Второй Северин убрал руку. На её коже остались четыре белых следа от его пальцев. Они исчезли, как только он отступил.

— Я был там, — сказал он.

— Это я уже поняла.

— Нет. Ты не поняла. Ты видела, что я сделал после того, как мы разделились. И добровольно отказалась хранить эту

память.

— Тогда, пожалуй, тем более стоит её вернуть.

Он хотел что-то сказать, но в кабинке под номером «—1» раздался резкий звонок.

Зоя Аркадьевна отложила карандаш.

— Нам пора, — сказала она. — Истёк срок ожидания свидетеля. Дальше пойдут служебные вызовы.

В дальнем конце зала хлопнула дверца. Из кабины вышел Сопоставитель.

Здесь он выглядел ещё хуже, чем на улице. Его тело составляли тонкие полоски прозрачного пластика, и внутри каждой двигалось маленькое человеческое лицо. Плечи были широкими, но одна рука у него оказалась короче другой. При каждом шаге он сдвигался вбок, словно кто-то неудачно склеил две фотокарточки.

По полу поползли белые квадратики. На них проявлялись наши имена.

— Обслуживание вне очереди, — заметил я.

Старуха вынула наушник.

— В этом здании у всех очередь одна. Идите по местам.

Она вручила Асе две карточки.

— В кабинку «—1» — с прошлым свидетельством. В «1» — с нынешним. Но входить придётся поочерёдно: настоящая запись может не выдержать, если обе биографии встретятся внутри одного человека.

Ася посмотрела сначала на меня, потом на другого Севе-

рина.

— С какой начать?

— С нынешней, — ответил я.

— С прежней, — сказал второй одновременно.

Вот и состоялось наше первое общее решение. Неудачно.

Ася выбрала «1».

— Если не выйду, — сказала она, — у тебя в кармане лежит моя флешка.

— Какая флешка?

— Проверь внутренний шов плаща, который стащил со спинки кресла в типографии. Я положила её туда, пока ты изображал инженера печатного дела.

Я машинально полез под куртку. Действительно, во внутреннем шве прощупывался твёрдый угол.

— И что на ней?

— Я надеюсь, что ничего важного.

Она закрыла дверцу.

Красная лампочка над номером «1» загорелась. Из динамика пошёл треск. Потом раздался Асин голос — глухой, будто она говорила из-под воды:

— Сегодня, в двенадцать часов двадцать девять минут, я видела двух мужчин, называющих себя Ильёй Севериным. Первый находился со мной в центре документов и вывел оттуда посетителей. У него огнестрельное ранение плеча, полученное при Сдвиге. Второй прибыл позднее через световой колодец. К тому моменту первому требовалась медицин-

ская помощь. Я подтверждаю, что они находились в разных местах и совершали разные действия.

На стойке вспыхнул зелёный огонёк.

ТЕКУЩЕЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ПРИНЯТО.

НЕЗАВИСИМОСТЬ СОБЫТИЙ: 1 ИЗ 2.

Ася вышла. Она была бледна, но держалась прямо.

— Пойдём дальше, — сказала она.

Сопоставитель поднял руку.

С первого пальца слетела белая карточка и ударилась о кабинку «—1». Её номер исчез. Вместо «—1» появилась «1».

Потом карточка коснулась соседней дверцы. Там тоже возникла единица.

— Он выравнивает их! — крикнула Зоя Аркадьевна. — Ему достаточно уничтожить отрицательное направление. Если все звонки будут относиться к настоящему, прошлое свидетельство не получат!

Я рванул к дальней кабинке. На двери под моей ладонью мелькнуло «—1», потом «1», потом «—1». Пластиковое существо двигало пальцами, и цифры менялись вслед за ними.

Дырокол звякнул о стекло — безрезультатно. Стекло не было документом.

— Снимите номер! — крикнула Варя.

— Какой из шести?!

— Не с двери! С карточки!

У дальней стены Сопоставитель уже складывал в стопку листы с одинаковыми номерами. Каждый лист он прижимал к груди, и на дверцах кабин пропадали минусы.

Я бросил дырокол второму Северину.

— Лови! Не рукой — за шарф!

Он дёрнул ткань, поймал железку и, не останавливаясь, ударил по пачке карточек. Щелчок разнёсся по залу громче всех телефонных звонков. Две идеально круглые дырки прошили бумагу насквозь.

Сопоставитель отшатнулся. Из пробитых отверстий полились не кровь и не свет — клочки чужих воспоминаний. Я увидел женщину, моющую руки перед операцией. Мальчика в школьной форме, которого провожают на вокзал. Старого мужчину, гладящего пса. Всё это промелькнуло в воздухе и разлетелось пылью.

Но существо не исчезло. Оно повернуло к нам лицо, составленное теперь из сотни крошечных лиц.

— Несоответствие, — произнесло оно разными голосами.

— А вы проверьте зрение, — сказал я.

Он ударил.

Второй Северин успел заслонить Варю. Удар рассёк его тёмную куртку и полоснул по груди. На коже выступили не капли крови, а строчки текста. Пять-шесть слов вылезли из

раны и рассыпались в воздухе. Он упал на колено и выдохнул через стиснутые зубы.

У меня вспыхнуло запястье.

Над его раной проступила серая строка, видимая только мне:

НЕСООТВЕТСТВИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА УСТРАНЯЕТСЯ ПУТЁМ ИЗЪЯТИЯ НЕПОДТВЕРЖДЁННОГО СОБЫТИЯ.

Под ней — прежняя, зачёркнутая:

ИЗЪЯТИЕ СОБЫТИЯ ДОПУСКАЕТСЯ ТОЛЬКО ПОСЛЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ЕГО НЕВОЗМОЖНОСТИ.

Я понял, что оно делает. Не убивает второго меня. Вырезает из него дни, которые нельзя подтвердить. Ещё несколько ударов — и от человека останется набор общих детских воспоминаний. Точно таких же, как у меня.

Сопоставитель снова поднял руку. Второй не успевал встать.

Я вцепился в толстый красный провод, свисавший со шкафа коммутатора. У провода был тяжёлый латунный штекер. На конце блеснуло стекло, внутри которого вращалась крохотная игла.

— Что будет, если соединить две линии? — крикнул я Зое Аркадьевне.

— Услышат друг друга!

— А если одну линию подключить в два гнезда?

Она повернулась ко мне.

— Нельзя. Станция требует единственного адресата.

— Здесь тоже? — спросил я, разглядывая надписи на шкафу.

На свободном гнезде было написано: «СРАВНЕНИЕ». На соседнем — «ИСТОЧНИК». Они находились рядом, но между ними чернела маленькая трещина.

Я сунул штекер в гнездо «ИСТОЧНИК». По проводу побежал свет. Второй конец, обмотанный вокруг катушки, вдруг распался на два совершенно одинаковых.

Сопоставитель остановился.

Он посмотрел на один штекер. Потом на другой.

— Подожди, — сказал второй Северин. — Не вздумай подключать их к нам.

— Я и не собираюсь.

Я воткнул оба конца в «СРАВНЕНИЕ».

Из шкафа донёсся пронзительный визг. Всё пространство вокруг нас на мгновение стало похоже на негатив старой плёнки. Сопоставитель развернулся к коммутатору и протянул к нему обе руки. Две линии оказались одним источником, но требовали двух отдельных результатов.

— Назовите подлинный сигнал, — заскрипели динамики.

Я смотрел на существо, на его разорванное, но всё ещё живое тело, на бесконечные карточки, которые оно собира-

ло.

— Вот теперь сам выбирай, — сказал я.

Сопоставитель попытался раздвинуть штекеры.

Они оказались одинаковыми.

Он потянул один — и второй потянулся вслед за ним. Попробовал перерезать провод — тот остался целым, потому что разрез уже существовал в другой линии. Столько лет оно заставляло других доказывать, кто из них настоящий. Впервые этот вопрос задали ему.

У него начали отваливаться лица.

Не кожа. Маленькие фотокарточки, каждая с аккуратным номером. Они осыпались под ноги, как снег.

Весь зал ударил в одну ноту.

А потом Сопоставителя не стало.

На коммутаторе вспыхнула надпись:

СРАВНЕНИЕ ЗАВЕРШЕНО
БЕЗ ВЫБОРА ОРИГИНАЛА.

ЗАПРОС НЕДЕЙСТВИТЕЛЕН.

— У нас появился новый способ портить технику, — сказал я.

Зоя Аркадьевна не смеялась.

Второй Северин бросил мне дырокол, и я поймал его за рукоятку.

— У нас осталось две минуты. И теперь они знают, что станция работает.

Снаружи послышался скрип тормозов.

В матовых окнах возник силуэт чёрного автомобиля без фар.

За ним — ещё одного.

И ещё.

— В кабинку, — сказала Ася.

Я хотел возразить. Она уже закрыла за собой дверцу с отрицательной единицей.

Зоя Аркадьевна села к коммутатору. Её пальцы, ещё минуту назад дрожавшие от возраста, двигались по шнурам с невероятной быстротой. Щёлкали штекеры. Загорались и гасли лампочки. Я видел, как женщина не столько работает на аппарате, сколько удерживает от распада целый разговор между двумя версиями города.

— Не подходите к кабине, — сказала она нам. — Если прошлое увидит сразу двух Ильей, оно может начать их подменять.

Из динамика донёсся голос Аси. Но он был моложе, выше и испуганнее.

— Пятнадцатое апреля. Двадцать три часа сорок одна минута. Я нахожусь в комнате регистрации на третьем этаже бывшего Дома связи. Здесь два человека с одинаковым име-

нем. Разделение произошло в моём присутствии.

Второй Северин отвернулся.

— Один держит заявление, — продолжал голос. — Второй пытается заставить его положить ручку. Первый говорит, что без подписи она погибнет. Второй говорит, что подпись убьёт её иначе. Я не понимаю, кто из них прав.

Шум в динамике усилился. Послышался мужской крик. Мой голос — тот же, что сейчас звучал у меня в голове, только разбитый от отчаяния:

— Если мы оба останемся, они найдут её по нам!

Затем другой мужской голос. Тоже мой:

— Тогда оставь одного, который будет помнить!

Зоя Аркадьевна вцепилась в край стола.

— Не слушайте дальше, — сказала она второму Северину. — Это не ваше свидетельство.

Но я уже слышал.

— Они не одинаковые, — прошептала молодая Ася. — Один только что подписал исключение. Второй отказался подписывать. Я видела оба поступка. Оба совершены после разделения. Прошу признать их самостоятельными людьми.

На стойке загорелась вторая зелёная лампа.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ИЗ ПРЕДЫДУЩЕЙ РЕДАКЦИИ ПРИНЯТО.

НЕЗАВИСИМОСТЬ СОБЫТИЙ: 2 ИЗ 2.

Кабинка распахнулась.

Ася вышла, держась за стену. На её лице не осталось цвета. Левый глаз, который прежде был кроваво-красным после гибели скобы, теперь стал почти белым. Она смотрела им мимо нас, словно одновременно видела два коридора, наложенных друг на друга.

— Ты всё вспомнила? — спросил я.

— Не всё, — сказала она. — Но достаточно.

Она повернулась ко второму Северину.

— Ты сказал мне тогда, что запомнить обоих опаснее, чем забыть одного.

Он молчал.

— И я поверила. А потом ты заставил меня подписать отказ от показаний.

— Я просил, — сказал он. — Не заставлял.

— Не знаю, что хуже.

Мой телефон, лежавший в кармане, коротко завибрировал. Экран зажёгся сам. В списке сообщений появилось уве-

домление из Управления: «ЛИТВИНОВА А. С. СЛУЖЕБНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ПРЕКРАЩЕНЫ. ДАТА ПРЕКРАЩЕНИЯ: 15 АПРЕЛЯ, ШЕСТЬ ЛЕТ НАЗАД».

Ася прочла его через моё плечо и молча кивнула.

— Вот и всё, — сказала она. — Мне только что уволили шесть лет жизни.

За дверью станции глухо ударили.

Затем ещё раз.

Зоя Аркадьевна взяла из ящика тяжёлую печать и поставила её на обе карточки.

— Не всё. Вы ещё живы. Это иногда важнее трудовой книжки.

Три белых кружка на кейсе мигнули одновременно.

Из него выдвинулся новый лист.

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ ПРИОСТАНОВЛЕНО.

ОБА ЭКЗЕМПЛЯРА ПРИЗНАНЫ САМОСТОЯТЕЛЬНЫМИ ДО ЗАВЕРШЕНИЯ ПРОВЕРКИ ПЕРВОИСТОЧНИКА.

СРОК ДЕЙСТВИЯ: 72 ЧАСА.

ВНИМАНИЕ: СВИДЕТЕЛЬСТВО НЕ УСТАНАВЛИВАЕТ, КТО ЯВЛЯЕТСЯ ОРИГИНАЛОМ.

Я перечитал последнюю строку. Она была одновременно хорошей и очень плохой новостью.

— Три дня, — сказал я. — Может, я успею хотя бы сменить повязку.

Второй Северин наконец выпрямился. По его груди всё ещё тянулись чёрные буквы, но рана перестала разрастаться. Он посмотрел на Варю.

— Прости, — сказал он.

Девочка отвела глаза.

— Я не знаю, кто из вас настоящий, — произнесла она. — Но один из вас хотя бы спросил, чего хочу я.

Она подошла ко мне и забрала дырокол.

Ни рукопожатия, ни объятий. И правильно: сегодня с физическими контактами у нас складывалось особенно плохо.

Дверь станции содрогнулась. Из щели под ней просунулась полоска белой бумаги.

На ней появилась фамилия Грекова, затем герб Управле-

ния и длинный приказ.

СТАНЦИЯ ПОДЛЕЖИТ ЗАКРЫТИЮ КАК НЕДОСТОВЕРНЫЙ ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ.

— Уже? — спросил я. — Они даже жалобу не рассмотрели.

Зоя Аркадьевна забрала у нас обе карточки и вложила их в книгу.

— Уходите через задний выход. Слева за коммутатором. Он ведёт к старой вентиляционной шахте. Двери там не подписаны, поэтому служба подтверждения не сможет открыть их сразу.

— Вы с нами? — спросила Ася.

Старуха ласково посмотрела на телефонный шкаф.

— Я шестьдесят два года работаю на станции. Когда её впервые закрыли, я никуда не ушла. Теперь, боюсь, уже поздно менять профессию.

— Вам помогут, — сказал я.

Она улыбнулась.

— Очень надеюсь, молодой человек. Только прежде помогите тем, у кого ещё есть куда вернуться.

Второй Северин отпер неприметную дверь за коммутатором. За ней скрипели трубы и пахло горячей пылью. Ася прошла первой. Потом Варя.

Я задержался.

Зоя Аркадьевна вдруг подняла голову и прислушалась. Среди десятков звонков прозвучал один — чистый, негромкий, совсем не похожий на остальные.

Звонила кабина «0».

Все остальные телефоны мгновенно замолчали.

Старуха побелела.

— Этого не может быть, — прошептала она.

— Я заметил, что у вас здесь довольно свободные отношения с возможным.

— Нулевой номер не соединён ни с прошлым, ни с настоящим. По нему звонят только из редакции, которая ещё не наступила.

Я посмотрел на трубку за матовым стеклом.

Звонок повторился.

Ещё один.

На панели коммутатора начала печататься строка. Сначала медленно, по букве, затем быстрее.

ВХОДЯЩИЙ ВЫЗОВ.

ОТПРАВИТЕЛЬ: СЕВЕРИНА ВЕРОНИКА ИГОРЕВНА.

Мир вокруг меня вдруг стал предельно простым. Исчез-

ла боль в плече. Пропал страх перед Грековым, перед вторым мной, перед тем, что когда-нибудь я забуду не только последние слова сестры, но и всё остальное.

Внутри осталось одно желание: услышать её.

Я шагнул к кабинке.

Второй Северин оказался рядом так быстро, будто ждал именно этого. Он схватил меня за край рукава.

— Не снимай трубку, — сказал он.

— Отпусти.

— Илья. Пожалуйста. Если ты ответишь, они узнают, что она есть в следующей редакции. Вся защита пропадёт.

— Я шесть лет искал её.

— Я тоже.

— Нет. Ты шесть лет прятал её от меня.

Его лицо дрогнуло. На миг я увидел не старшего, не более опытного и даже не более жестокого себя. Просто человека, которому пришлось жить с выбором, сделанным одной апрельской ночью.

— Потому что ты однажды уже выбрал, — сказал он. — И теперь можешь сделать это снова.

Я освободил рукав.

Кабина «0» открылась без звука.

Я взял трубку.

На другом конце кто-то дышал. Совсем тихо, стараясь не выдать себя. У меня выступили слёзы — внезапно, без всякого разрешения с моей стороны.

— Ника? — спросил я.

Молчание.

Потом я услышал голос, который не слышал шесть лет. Я узнал его сразу. И всё-таки не смог вспомнить, как он звучал до этого мгновения. Будто в голове появилась новая мелодия на месте украденной.

— Илюша, — сказала сестра, — у тебя мало времени.

Мне хотелось задать тысячу вопросов. Где она? Жива ли? Почему я подписал заявление? Почему нельзя было хотя бы позвонить раньше? Но из горла вышло только:

— Я здесь.

— Я знаю. Вас двое?

Я посмотрел на второго Северина. Он стоял за стеклом, неподвижный, как человек перед приговором.

— Да.

Сестра судорожно вдохнула.

— Значит, опять не получилось.

— Что не получилось?

— Удержать дверь.

Сзади с грохотом развалилась входная перегородка станции. Я услышал голос Грекова, сладкий и усталый:

— Господа, а вот и источник наших затруднений.

Ника заговорила быстро, почти шёпотом:

— Слушай меня. Когда они спросят, кто настоящий, не отвечай. И ни за что не позволяй им сложить вас обратно.

— Почему?

За стеной зазвенели стёкла. Зоя Аркадьевна что-то крикнула. На запястье второго меня снова вспыхнули нули.

— Потому что, — сказала Ника, — в прошлый раз из вас двоих получился не ты.

Связь оборвалась.

В трубке щёлкнуло, и бесстрастный женский голос объявил:

— Следующая редакция будет опубликована досрочно.

На панели коммутатора зажглась дата.

Завтрашняя.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ
До вступления в силу

Завтрашняя.

Я смотрел на дату на панели коммутатора и испытывал то редкое чувство, когда календарь внезапно становится опаснее человека с пистолетом.

— Уточню, — сказал я в мёртвую трубку. — «Досрочно» — это насколько? У нас завтра хотя бы после завтрака наступит?

Ответить мне не успели.

В стекле кабинки «0» отразился Греков. Его чёрный зонт остался где-то снаружи, а волосы были влажными, что делало его на удивление похожим на человека. За его спиной стояли трое в одинаковых тёмных плащах. Один держал длинный белый рулон, другой — папку с металлическими уголками. У третьего не было ничего. Именно от него мне стало не по себе сильнее всего.

— Северин, — сказал Павел Миронович. — Положите трубку. Вы и так сегодня переговорили на несколько жизней вперёд.

— Рад, что вы оценили мой тариф. А вы, я вижу, без предварительной записи.

Греков остановился перед кабинкой. На разбитом полу

хрустнуло стекло. Он посмотрел на светящуюся дату, и его улыбка пропала так быстро, что я едва успел поверить в её существование.

— Кто звонил?

— Ошиблись номером.

— Из неопубликованной редакции нельзя ошибиться номером.

— У вас даже мошенники из будущего работают профессиональнее.

Он поднял руку. Человек с рулоном начал его разворачивать. На бумаге один за другим проступали прямоугольники дверей, план станции, её внутренние помещения. Там, где на чертеже появлялась чёрная печать, настоящая дверь в зале захлопывалась. Откуда-то из глубины донёсся тяжёлый металлический удар.

Зоя Аркадьевна отложила ручку.

— Павел Миронович, — сказала она, — вы опять закрываете учреждение вместе с сотрудником. Это уже становится традицией.

— Вы обязаны передать журнал входящих вызовов.

— Согласно какому распоряжению?

— О закрытии станции.

— Оно касается помещения. Не журнала. Изучайте бумаги внимательнее, если хотите сделать карьеру.

Один из людей Грекова дёрнулся к стойке. Зоя Аркадьевна ударила по коммутатору плоской ладонью. Все свободные

штекеры одновременно выскочили из гнёзд и повисли в воздухе острыми концами вперёд.

Старуха поправила очки.

— Служебное оборудование руками не трогать.

Кажется, сегодня у меня появилась новая любимая пенсионерка.

За матовым стеклом я увидел Асю. Она вернулась из вентиляционной двери и стояла боком к Грекову. Почти белый левый глаз был широко открыт. Она смотрела не на зал, а будто сквозь него — туда, где всё ещё оставались несуществующие коридоры.

Второй Северин появился рядом с ней. В полумраке его лицо выглядело усталым и жёстким. Он покачал головой: выходить нельзя. Я и без него догадался. Греков пришёл не для того, чтобы проводить меня домой.

Варя пряталась за широкой спиной Аси. Жёлтый дождевик торчал из темноты, как плохая маскировка. Девочка заметила мой взгляд и подняла дырокол. Я успел ответить едва заметным кивком.

— Последний раз спрашиваю, — произнёс Греков. — Кто звонил из следующей редакции?

Я посмотрел на панель.

Под датой появился ещё один текст.

ВХОДЯЩИЙ ВЫЗОВ ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ РЕДАКЦИИ ПОДЛЕЖИТ РЕГИСТРАЦИИ.

ДО ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ОТПРАВИТЕЛЯ: 00:00:24.

Двадцать четыре секунды. Грекову достаточно было дождаться конца отсчёта. Имя Ники само окажется у него в руках. Я посмотрел на телефонный аппарат. Провод уходил в стену, а матовое стекло кабины по углам покрылось тонкими чёрными трещинами. Разбить трубку? Слишком удобно. Значит, слишком поздно.

— Зоя Аркадьевна! — крикнул я. — Можно отменить регистрацию?

— Отменять нечего. Разговор состоялся.

— Я умею убедительно врать.

— Вы молоды. Я умею лучше.

Она потянулась к одному из красных проводов, который так и оставался подключённым к пустому гнезду. На медной бирке висела надпись: «НЕКОРРЕКТНО ПРИНЯТЫЕ». Дрожащими пальцами старуха соединила его с линией нулевой кабины.

— Любой звонок должен быть кем-то принят, — сказала она. — Но получателем не обязательно должен быть тот, кто поднял трубку.

Провода натянулись. По шкафу пробежали огоньки.

Греков шагнул к ней.

— Не смейте.

— Поздно указывать мне, как работать, молодой человек.

На световой панели возле моего лица исчезло имя отправителя. Вместо него загорелась другая запись.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ПОЛУЧАТЕЛЬ: ОПЕРАТОР СТАНЦИИ З. А. [УЧЁТ ПРЕРВАН].

ПРЕДМЕТ РАЗГОВОРА НЕ ПОДЛЕЖИТ ВОССТАНОВЛЕНИЮ БЕЗ СОГЛАСИЯ ПОЛУЧАТЕЛЯ.

Ника исчезла из журнала.

Вся станция вздрогнула. Зоя Аркадьевна схватилась за край стойки. Её аккуратно уложенные волосы на мгновение стали совсем чёрными, потом снова поседели. На полу вокруг неё рассыпались маленькие бумажные карточки. На каждой стоял год. 1964. 1987. 2003. 2016. Я не знал, что именно она заплатила за ложь, но видел, как дорого она обо-

шлась.

— Вы понимаете, что взяли ответственность за вызов из будущего? — тихо спросил Греков.

— Я шестьдесят два года отвечаю на чужие звонки. Одним больше.

Зоя улыбнулась мне одними глазами.

— А вы идите, Северин. Пока вам и ходить не запретили.

Человек без вещей метнулся к вентиляционному проходу. Ася опередила его: подняла с пола металлическую скобу, сломанную ещё в центре документов, и ударила по проёму. В стене возникла узкая щель. За ней были не трубы, а мокрая кирпичная лестница.

— Сюда! — крикнула она.

Греков вынул блокнот.

— Анастасия Сергеевна, ваши полномочия прекращены задним числом. Не усугубляйте положение незаконным проникновением.

— А это не проникновение, — ответила Ася. — Я здесь, согласно вашим записям, никогда не работала. Значит, служебная инструкция мне не указ.

Никогда прежде увольнение не звучало столь вдохновляюще.

Я бросился к двери. Человек без вещей внезапно оказался между мной и Асей. У него были правильные человеческие глаза, но двигался он неправильно: один шаг занимал больше места, чем позволял его рост. Влажный пол под ботинками

разгладился в прямую белую полосу.

— Вручение под расписку, — сказал он.

Его рот открылся, и из него высунулась узкая бумажная лента. На ленте уже стояла моя фамилия.

Мне сразу расхотелось знакомиться.

Второй Северин ударил ладонью с клеймом «ОТКАЗ» по воздуху между нами.

Дверь кабинки «0» захлопнулась перед существом, хотя оно стояло по другую сторону прохода. Из-под рамы выскочили искры, а у второго меня по горлу побежала тёмная трещина. Он согнулся и закашлялся.

— Я же просил без убийства, — сказал я и сунул ему край куртки, чтобы он мог опереться, не прикасаясь ко мне.

— Хватит... говорить, — прохрипел он.

— Невыполнимое условие договора.

Он показал мне обожжённую ладонь, а потом ткнул пальцем в щель, куда уже ныряла Варя. Я понял. Отказ держал дверь лишь до тех пор, пока он мог его произносить. А голос у него сейчас почти исчез.

На полу лежала белая полоса приказа Грекова. По ней расползались строки: «ПРОХОД ДОЛЖЕН БЫТЬ ПЕРЕКРЫТ». Я потянул её к себе. Бумага оказалась тёплой и сопротивлялась, словно мышца.

— Варя! Мне нужен дырокол!

Девочка вернулась на два шага, не выходя из щели. Протянула инструмент.

— Не правило, — сразу предупредила она. — Только бумагу.

— Сегодня мне и бумага сойдёт.

Я зажал между губками край приказа. На белой полосе было несколько клеток: «адрес», «объект», «основание». Я не стал трогать слова «перекрыть проход». То, что уже вступило в силу, этим дыроколом не вычеркнешь. Вместо этого навёл его на клетку с адресом станции.

Щёлк.

Кружочек бумаги упал на пол.

Из приказа исчез номер здания.

Снаружи затарахтел телефон, хотя все звонки только что умолкли. Человек без вещей остановился посреди шага. Ему больше не было понятно, какой именно проход перекрывать.

Это не спасло бы нас надолго. Развернувший рулон сотрудник уже спешно выводил новую строку.

Я сунул дырокол Варе обратно и прыгнул за Асей. Второй Северин, шатаясь, ввалился следом. Кирпичная щель закрылась за нами с таким звуком, будто кто-то хлопнул огромным словарём.

Снаружи Греков не повысил голоса.

— Илья. Отменённая подпись всё ещё принадлежит вам. Не заставляйте меня применять её к человеку, которого вы ищете.

Я остановился на первой ступеньке.

Второй Северин крепко схватил меня за рукав. Не для то-

го, чтобы удержать от драки. Чтобы заставить услышать.

— Он не знает, — выдохнул он почти беззвучно.

— О чём?

— Где она. Пока не знает.

Я посмотрел в тёмный пролёт над нами. Если вернуться, Греков получит не только меня. Он получит направление поиска. Зоя Аркадьевна только что заплатила за то, чтобы этого не случилось.

Мы побежали вверх.

. . .

Вентиляционная шахта оказалась лестницей лишь первые девять пролётов. Десятый вёл горизонтально вдоль трубы отопления, одиннадцатый заканчивался дверью без ручки. Дальше начался такой архитектурный произвол, что я всерьёз захотел извиниться перед городскими строителями. По сравнению с этим их незаконные перепланировки выглядели произведениями искусства.

Ася шла впереди. Время от времени останавливалась, прикрывала здоровый глаз и водила ладонью по стене. Там, где я видел кирпич, её белый глаз различал тонкие прямоугольные швы. За некоторыми открывались проходы. За другими — чужие комнаты, слишком яркие, чтобы существовать под землёй.

Один раз я увидел через такую щель кухню. Пожилой мужчина читал газету, сидя в белой майке. Солнечный свет падал на стол. Когда я моргнул, кухни не стало. Вместо неё оказался бетонный простенок, мокрый от конденсата.

— Что это было? — спросил я.

— Коридор, который когда-то здесь проходил, — ответила Ася. — Или будет проходить. Они накладываются.

— Ты теперь видишь прошлое и будущее?

— Нет. Я вижу места, которые не могут договориться, существуют они или нет. Не самое полезное зрение в городе, где и так все постоянно лгут.

Она попыталась улыбнуться. Не вышло.

Второй Северин держался рукой за перила. Каждое слово

давалось ему с трудом. Поперечный рубец на горле покраснел, на ладони с «ОТКАЗОМ» вздулись три новых чёрных буквы. Варя шла рядом и смотрела на него исподлобья.

— Опять запер себя вместе с дверью, — сказала она.

— Это... разные вещи.

— Для тебя никогда.

Он ничего не ответил. Мне захотелось спросить, сколько раз он уже делал это при ней и за что именно она до сих пор на него злилась. Но по тому, как девочка сжимала дырокол, я понял: историю мне расскажут не тогда, когда я потребую, а когда она решит.

Мы остановились перед тяжёлой пожарной заслонкой. На ней ржавыми буквами было выбито: «ВЫХОД НА ПОВЕРХНОСТЬ. ЗАПАСНОЙ». Над буквами кто-то в разное время оставил четыре кривых знака: крест, ноль, пустой кружок и короткую вертикальную черту.

Ася провела пальцами по двери.

— Здесь не было выхода в прошлой редакции, — сказала она. — И ещё не будет в следующей. Сейчас он единственный.

— Может, нам стоит поселиться в щели между будущим и прошлым? — предложил я. — Соседи тихие, аренда нулевая.

— По моему опыту, — хрипло сказал второй, — там хуже всего.

Мы налегли на дверь. Заслонка не поддалась. Под чёрной

краской проступила строчка.

ВЫХОД ЗАРЕГИСТРИРОВАН НА УПРАВЛЕНИЕ ВТОРОЙ ЛИНИИ.

ДОСТУП: УПОЛНОМОЧЕННЫМ СОТРУДНИКАМ.

Ася достала служебный жетон. На серебристой пластине больше не было её фотографии. Там красовался незнакомый номер — такой длинный, будто за шесть лет на её место приняли весь отдел.

— Доступа нет, — сказала она.

— Зато мы знаем, что ты точно не украла пропуск, — ответил я.

Ася посмотрела на жетон ещё секунду, потом вложила его в щель между дверью и косяком.

— Ты что делаешь? — спросил второй Северин.

— То, чего не должна делать сотрудница Управления. Порчу государственное имущество.

Она повернула жетон как рычаг. Металл согнулся. Дверь приоткрылась на палец.

Я упёрся плечом и сразу пожалел. Повязка намокла свежей кровью, в глазах на миг заплясали белые огни. Зато за-

слонка поддалась. Варя проскользнула наружу. Потом Ася. Второй Северин удерживал створку, пока я выбирался последним, и дверь закрылась с тихим вздохом — будто тоже была рада отделаться от нашей компании.

Мы оказались во дворе старой типографии, совсем не той, где скрывались утром. Из окон пустого трёхэтажного здания торчали выбитые рамы, на стене облезала надпись «ПЕЧАТЬ И ДОСТАВКА». Под крышкой перевёрнутого мусорного контейнера лежала пачка мокрых афиш.

На одной был нарисован улыбающийся мэр, которого в Лисогорске не выбирали последние три года.

На другой тот же человек поздравлял горожан с завтрашним днём.

Я поднял афишу. Бумага была сухой, хотя все остальные промокли.

«ГОРОДСКАЯ РЕДАКЦИЯ № 10.
ВСТУПАЕТ В СИЛУ ЗАВТРА В 06:00».

Ниже мелькнула надпись, исчезла и появилась снова.

«ПРОБНАЯ ПЕЧАТЬ: СЕГОДНЯ, 16:00».

Я посмотрел на телефон. Было 13:17.

— У нас меньше трёх часов, — сказал я.

Ася прочла афишу и побледнела.

— Это не объявление. Это корректура.

— Переведи с канцелярского на человеческий.

— Завтрашнюю редакцию ещё проверяют. До публикации её должны напечатать в пробном виде. Проверить, что изменится, если предложенные правила станут настоящими.

— То есть город превратили в черновик?

— В контрольный оттиск, — поправила она. — Проверяют на живых людях.

Второй Северин выхватил у меня листок. Он прочитал дату и медленно выдохнул. Судя по его лицу, я только что показал ему свидетельство о пожаре, который он уже однажды видел.

— Шестнадцать ноль-ноль, — прошептал он.

— Узнал что-то?

Он покачал головой, но я не поверил.

Варя смотрела на афишу, совсем не как ребёнок, впервые увидевший рекламу.

— В прошлый раз, — сказала она, — корректура начиналась с людей, которых не жалко было терять.

— Кого именно?

— Тех, чьё исчезновение можно назвать исправлением.

Я оглянулся на улицу. Там двигались обычные автомобили. Проходили обычные люди. У кого-то звонил телефон, кто-то шёл за хлебом. Ни один из них не знал, что какой-то кабинет уже решает, кого завтра будет удобнее не помнить.

Ветер перевернул афишу. На обороте проступила новая строка — явно не предназначенная для прохожих.

ПРИ ОБНАРУЖЕНИИ НЕСОВПАДАЮЩИХ СОБЫТИЙ ОТКАЗАТЬ В ПРОДОЛЖЕНИИ.

Меня вдруг затошнило. Не от боли в плече. Я вспомнил центр документов, где очередь заставляла мёртвых вставать, чтобы закончить приём. И понял, что теперь такой очередью станет целый город.

— Идём, — сказал я.

— Куда? — спросила Ася.

— Туда, где печатают черновики. У нас осталось несколько часов, чтобы объяснить наборщику, что правки не принимаются.

Второй Северин сложил афишу и спрятал её во внутренний карман.

— Ты думаешь, можно просто прийти к станку и нажать кнопку?

— Нет. Я думаю, нас там попытаются убить. Меня интересует более реалистичный план, но он пока не поступил на согласование.

Из-за стены раздался звук двигателя, работающего на повышенных оборотах. Потом — глухой удар, звон стекла и чей-то крик.

Мы переглянулись.

— Корректура, — сказала Варя. — Уже началась.

. . .

Автобус стоял поперёк узкого переулка, уткнувшись бампером в закрытые ворота ремонтной мастерской. На табло над ветровым стеклом горел номер «18». Двигатель ревел, колёса вращались, но машина не двигалась. Словно задняя половина автобуса была приколочена к асфальту невидимыми гвоздями.

В салоне сидели люди.

Сначала мне показалось, что их около десяти. Потом я заметил женщину с младенцем у задней двери, двух школьников в одинаковых куртках, пожилого мужчину с клетчатой сумкой. Их было двенадцать. Нет, тринадцать. Я пересчитал ещё раз и получил одиннадцать.

— Не смотри на лица долго, — сказала Варя. — Начнёшь забывать, сколько их было.

— Я и так плохо считаю, — ответил я. — Особенно если от числа зависит пенсия.

Водительница, широкоплечая женщина лет пятидесяти, колотила ладонями по рулю. Крупные серебряные кольца звенели о пластик. На груди висел бейдж: «ТАМАРА ВЛАСОВА». Под именем значились двадцать два года стажа.

— Помогите! — крикнула она нам через открытую форточку. — У меня педаль заело!

— Заглушите двигатель! — ответила Ася.

— Глушила! Он снова заводится! Двери не открываются!

Я подошёл ближе. На лобовом стекле, где должна была висеть табличка с маршрутом, от ветра трепетал лист белой бумаги. Он был напечатан аккуратным чёрным шрифтом и приклеен изнутри, хотя никто, судя по всему, его туда не помещал.

«КОРРЕКТУРНАЯ ПОПРАВКА № 18/Н».

«МАРШРУТ № 18 ПРИЗНАТ ОШИБОЧНЫМ И ИСКЛЮЧЁН ИЗ РАСПИСАНИЯ СО ДНЯ ПЕРВОГО ВЫХОДА».

«СВЯЗАННЫЕ С НИМ ПОЕЗДКИ СЧИТАЮТСЯ НЕ СОСТОЯВШИМИСЯ».

— Сегодняшняя поездка тоже? — спросил я.

Второй Северин кивнул.

— Если маршрут никогда не существовал, люди не могли сесть в автобус. Их пытаются вернуть туда, где они были бы без поездки.

— Отлично. Сэкономят на бензине.

— Не только. Город не знает, куда они должны были пойти вместо автобуса. Для него они сейчас незаконченные со-

бытия.

В салоне вдруг стало меньше людей. Мужчина у окна повернулся, чтобы передать женщине сумку, и замер. Он не мог вспомнить, кому протягивал её. На соседнем сиденье оставалась вмятина. Больше ничего.

Тамара закричала.

Мне не понравился этот крик. В нём не было обычной паники человека, который попал в аварию. Так кричат, когда на твоих глазах исчезает кто-то, а ты ещё не знаешь слова для произошедшего.

На электронном табло над дорогой загорелось:

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПРОВЕРКА ПОПРАВКИ № 18/Н.

ПРИЧИННАЯ ЦЕПЬ НЕ СОГЛАСОВАНА.

ДО УСТРАНЕНИЯ НЕСООТВЕТСТВИЯ: 00:04:59.

— Пять минут, — сказала Ася.

— После первых трёх глав я начинаю подозревать, что все часы мира сговорились против меня.

На площадке возле водительской двери возник человек в сером рабочем комбинезоне. На его рукаве был пришит красный прямоугольник с буквой «К». В руках он держал длинный синий карандаш. Один конец карандаша был заточен, другой — покрыт чёрной засохшей краской.

Человек не появился из воздуха. Он будто всегда стоял здесь, просто город только сейчас решил включить его в изображение.

— Просьба не мешать проверке, — сказал он. — Проводится отмена избыточного муниципального события.

— Там люди, — сказал я.

— Зафиксированы пассажирские записи. Люди находятся в других местах. Так предписывает поправка.

— Можно посмотреть, в каких? Мы им передадим, что они ошиблись автобусом.

Корректор поднял карандаш. В воздухе проступила строка с именем Тамары Власовой.

— Водитель маршрута, признанного никогда не существовавшим. Нуждается в уточнении профессиональной биографии. Стаж — двадцать два года. Будет заменён трудовой деятельностью по месту проживания.

Водительница схватилась за горло. Её бейдж побелел. Сначала исчезла цифра стажа. Потом первая буква фамилии.

— Не трогай её, — сказала Ася.

Корректор посмотрел на неё своим самым обычным, уставшим человеческим взглядом.

— Ваше возражение не принимается. Вы не имеете статуса ревизора.

— Зато у меня есть кулак, — ответила Ася.

Корректор даже не отступил. Он провёл карандашом черту между ней и автобусом. Асфальт вздулся, превратился в высокий бордюр и отрезал нас от машины.

Я раньше считал, что у дорожных служб не может быть настоящего зла. Теперь пришлось пересмотреть позицию.

— Есть способ остановить поправку? — спросил я второго Северина.

— Уничтожить её первоисточник.

— Другой способ?

— Сделать так, чтобы отменяемая поездка не была единственным объяснением происходящего.

Он смотрел на автобус. И мне очень не понравилось, как быстро в его глазах возникла знакомая холодная решимость.

— Один человек может выйти и стать подтверждённым пострадавшим, — тихо сказал он. — Если у него будет травма, независимый свидетель, медицинская запись... Остальных можно признать присутствовавшими при происшествии.

— Ты предлагаешь кого-то покалечить?

— Предлагаю не дать умереть остальным.

— Мы уже слышали эту речь в телефонной станции. Продолжение не заказывали.

Он стиснул зубы. Рана на горле снова потемнела.

— Ты не понимаешь, как быстро всё исчезнет.

— Понимаю. Но ещё не настолько спешу, чтобы выбирать за них.

Варя взглянула на нас обоих и отошла к двери автобуса. Плотная чёрная полоса разделяла её и Тамару. Девочка подняла дырокол, задумалась, потом опустила руку.

— Не выйдет, — сказала она. — Приказ внутри стекла. А стекло я не проколю.

— Документ на стекле, — возразил я. — Может, если разбить окно...

— Тогда бумага станет ещё хуже, — ответила Варя. — Она не любит, когда её тащат из правды.

Мне не очень понравилась формулировка, но спорить о характере канцелярии сейчас не хотелось.

Я закрыл глаза и попытался прочитать то, что пряталось под текстом поправки.

Мир на секунду расслоился. За объявлением проступила другая формулировка, более старая, с тёмными потёртостями:

«ОТМЕНА МАРШРУТА НЕ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ НА САМОСТОЯТЕЛЬНО ВОЗНИКШИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РЕЙСОВ, ЗАВЕРШЁННЫХ ДО ВНЕСЕНИЯ ИСПРАВЛЕНИЙ».

Зачёркнуто.

Новая строка утверждала, что поездки вообще никогда не было. Но прежнее условие объясняло слабое место исправ-

ления: не всё, что случилось из-за автобуса, было самим автобусом. Если появятся последствия, которые город не решится убрать вместе с ним, поездка перестанет быть несостоявшейся.

Я открыл глаза.

Корректор уже развернулся ко мне. Под его карандашом проступил новый лист.

— Вы читаете отменённый текст. Это запрещено после третьего предупреждения.

— У меня только второе, — сказал я.

— Первое вы получили в здании центра документов.

— А третье?

— Сейчас получите.

Он провёл карандашом по воздуху. В моей голове вспыхнула чужая память.

Я стоял на остановке в солнечное утро, держал в руках билет на восемнадцатый маршрут и собирался ехать к Нике. Только Ника жила в другой квартире, была старше меня, и её звали как-то иначе. Я успел почувствовать радость встречи — неподдельную, живую, — прежде чем воспоминание рассыпалось.

Колени подогнулись.

Ася схватила меня за куртку.

— Северин! Смотри на меня.

Я посмотрел. На мгновение её белый глаз показался мне левым глазом другой женщины. Той, которой я не знал. Или

знал в мире, где восемнадцатый автобус никогда не ходил.

— Как меня зовут? — спросила Ася.

— Ужасный начальник, — выдавил я.

— Имя.

— Анастасия Литвинова.

— А его? — Она указала на второго Северина.

— Я. Только с претензией на опыт.

Ася выдохнула. Не убрала руку, пока я снова не смог стоять сам.

Пять минут превратились в три с половиной.

У женщины с младенцем исчезла сумка, потом рукав. Мальчик у задней двери попытался сказать матери что-то важное, но изо рта вышло только: «Я вроде...» — и замолчал. Тамара била ладонью по кнопке открытия дверей, пока не разбила костяшки.

Слово «пассажиры» на электронном табло сменилось на «несостоявшиеся».

В соседней мастерской висел большой красный ящик с огнетушителем. На асфальте перед воротами стоял старый легковой автомобиль — наполовину разобранный, без капота. Рядом курил мужчина в синем комбинезоне и так напряжённо смотрел на автобус, что сигарета догорела до фильтра.

— Эй, мастер! — закричал я. — Машину чинишь?

— А что? — отозвался он.

— Страховка есть?

— Нет. А тебе зачем?

— Отлично. Значит, при оценке ущерба мы не будем спорить с агентом.

Я показал на автомобиль.

— Дам денег за то, чтобы ты позволил мне разбить его.

Он уставился на меня.

— Мужик, ты чего?

— Город меня сегодня уже разбил. Хочу, чтобы хоть кто-нибудь разделил расходы.

— Нет! — закричала Ася, поняв, что я задумал. — Если ты просто ударишь по машине, это будет твоя драка с чужим имуществом. Автобус тут ни при чём.

Она была права. Отменённое событие нельзя спасти, приклеив к нему первое попавшееся другое. Нужен был поступок людей внутри. Не мой. Их.

Я повернулся к Тамаре.

— Слышите меня? Вам нужно сделать то, чего нет в маршруте!

— Что?!

— Что угодно, что не называется перевозкой! Вы сейчас не водитель. Не выполняйте рейс!

Корректор поднял карандаш.

— Должность гражданки Власовой подлежит исправлению. Её действия не имеют силы.

Тамара услышала его. Я видел, как она посмотрела на побелевший бейдж, затем на мальчика у задней двери. Мальчик уже почти не различался на фоне поручня. Женщина

медленно сняла бейдж и бросила на пол.

— Я сейчас не водитель, — повторила она. — Тогда что я?

Я вспомнил, как Зоя Аркадьевна сказала: люди и записи — разные вещи. Вспомнил Асю, которая лишилась профессии, но не способности выбирать. И вдруг понял, что требую от Тамары не разгадать правило. Я прошу её вспомнить, что внутри бумажной графы всё ещё остаётся человек.

— Человек за рулём, — сказал я. — И у вас там дети.

Тамара обхватила руль руками и впервые перестала нажимать на педаль газа.

— Задние! — гаркнула она так, что я услышал даже сквозь рёв двигателя. — Отходите от дверей. Все к середине. Ребёнка в руки, сумки бросить!

Люди послушались. Не все сразу. Сначала одна женщина. Потом мужчина в старом пальто. Затем подросток, который подхватил младенца у матери, потому что та начала падать. Исчезавшие силуэты сделались чуть плотнее.

Корректор черкнул карандашом по воздуху.

— Самостоятельные распоряжения не предусмотрены.

— Зато предусмотрены мной, — сказала Тамара.

В её голосе появилось то, чего нельзя вписать ни в один график: обыкновенная ярость женщины, которая слишком долго терпела плохую организацию труда.

Я посмотрел на старый автомобиль возле ворот. На асфальте рядом валялась тяжёлая металлическая цепь с крюком, которой, видимо, вытаскивали машины из ремонтной

ямы.

— Давайте сюда цепь! — крикнул я механику. — Быстро!

— Ты совсем сдурел?

— Очень. Но пока это единственное, что мне удаётся делать стабильно.

Он швырнул цепь через бордюр. Корректор развернулся к нему и потянул карандашом чёрную линию, пытаясь включить мастера в список отменяемых свидетелей. Ася прыгнула вперёд и ударила его согнутым служебным жетоном по кисти.

Карандаш переломился пополам.

Человек даже не вскрикнул. Только посмотрел на два обломка с таким ужасом, какого не вызвали у него исчезающие пассажиры.

— Порча корректурного инструмента, — произнёс он. — Подлежит возмещению.

— В очередь, — ответила Ася.

Она схватила один обломок и воткнула в белый бордюр. Чёрная полоса вспыхнула, словно мокрая бумага, на которую попала искра. Я перешагнул через неё и побежал к автобусу.

Второй Северин, несмотря на боль в горле, подхватил второй конец цепи. Вместе мы зацепили крюк за переднюю буксирную петлю автобуса, а свободный конец набросили на бетонную опору старых ворот. Пока я затягивал узел, руки дрожали так, что крюк дважды выскальзывал. Зато к третьему разу металл встал намертво.

— Ты хочешь... — прохрипел второй.

— Да. И мне самому не нравится.

Он посмотрел на цепь, потом на плотный ряд окон, в которых люди становились всё прозрачнее.

— Опора старого здания, — сказал он. — Если тяга будет слишком сильной...

— Она упадёт. И никто не сможет сказать, что с ней ничего не произошло.

— Внутри люди.

— Поэтому и спрашиваем их.

Я стукнул кулаком по стеклу возле водительницы.

— Тамара! Нужно дать задний ход. Медленно. Сначала натянуть цепь, потом резко вперёд. Опора рухнет на дорогу, не на автобус. Вы успеете затормозить?

Она оглянулась на пассажиров, посчитала их. Мне показалось, что это заняло у неё целую вечность.

— Если ничего не изменится, — сказала она, — я не успею даже попросить прощения.

— Может не получиться, — сказал я. — Решать вам.

Тамара взглянула на малыша в руках подростка. Потом опустила стекло ещё немного.

— Мужчина в сером! — крикнула она корректору. — Если кто-нибудь из них не выйдет, на ваших бумажках я лично найду вас хоть на том свете!

И включила заднюю передачу.

Автобус дёрнулся назад. Цепь натянулась, пропела тонко,

как струна. Старый крюк заскрежетал о бетон, и всё здание мастерской словно сделало вдох.

— Тормози! — крикнул я.

Тамара вдавила педаль. Передние колёса застопорились. Опора не рухнула. Только из кирпичной кладки посыпалась красная пыль.

Над дорогой оставалось две минуты десять секунд.

Корректор смотрел на нас, не двигаясь. У него в руке отрастал новый карандаш — длинный, будто его вытягивали изнутри собственного рукава. На моей ладони проступило серое слово «ВИНОВНИК».

— У вас отсутствуют полномочия на проведение аварийных работ, — сообщил он. — Прекратите самовольное создание происшествий.

— Вслух это звучит ещё глупее, чем на бумаге, — сказал я.

Я снова глянул на опору. Трещина пошла не туда: кирпичная арка над воротами нависла прямо над передней частью автобуса. Если тянуть дальше, она могла рухнуть на лобовое стекло.

— Нельзя, — сказал я Тамаре. — Не продолжайте. Слишком опасно.

Она наклонилась к форточке.

— За двадцать два года я возила людей через гололёд, пожар, два затопления и один Сдвиг. Чужого разрешения на спасение спрашивать не собираюсь.

— Это не разрешение. Это расчёт!

— Тогда считай быстрее!

Она включила передачу, но не тронулась. Вместо этого подняла микрофон внутренней связи.

— Пассажиры! — прогремел её голос. — Меня зовут Тамара Власова. Я не знаю, где мы окажемся через минуту. Но прямо сейчас мне нужна ваша помощь. Если вы меня слышите, назовите себя. Не номер билета. Себя!

Я ожидал, что люди начнут кричать имена наперебой. Но первое, что раздалось, было: «Я не помню».

Сказал мальчик у задней двери. Тот, который почти слился со стеклом.

Тамара сглотнула.

— Тогда расскажи, что умеешь.

— Я... могу свистеть, — ответил он.

— Вот и свисти.

Мальчик засвистел. Звук был слабым, жалким, словно воздух вытекал сквозь дырочку в шарике. Но мужчина у окна повернул к нему голову. Женщина с младенцем прижала ребёнка к груди. Подросток, который держал малыша, вспомнил, что его зовут Денис, и сказал это так громко, что я услышал с улицы.

Никаких световых вспышек. Никакой немедленной победы.

Просто внутри автобуса люди начали делать то, чего не было в отменённом расписании.

Мне стало стыдно за то, как быстро я сам начал считать их задачей, которую нужно решить за пять минут.

— Северин! — позвала Ася.

Она стояла возле опоры и смотрела белым глазом куда-то под землю.

— В предыдущем коридоре ворота стояли иначе. Здесь под асфальтом проходит водопровод. Если снять эту крышку и перехватить цепь за боковой рым, опора упадёт к мастерской, не на автобус!

Она указала на круглый люк у тротуара. Второй Северин уже бежал туда. Он приподнял крышку согнутым жетоном Аси, сунул руку в тёмную воду и нашёл старое металлическое кольцо. Перебросил через него свободную петлю цепи, направив усилие вбок. Это был не прочный блок, всего лишь ржавая опора для кабеля. Но нам требовался один рывок.

— Не выдержит! — крикнул механик.

— Мне тоже так говорили, — ответил я. — Пока держусь.

Второй я просунул пальцы под кольцо, вбил в трещину обломок погнутого жетона и всем весом прижал металл к бетону. Надпись «ОТКАЗ» на его ладони потемнела, но он не попытался остановить что-нибудь сверхъестественным способом. Сейчас нам требовались только человеческие руки.

— Не... отпущу, — произнёс он почти неслышно.

Кольцо дёрнулось, выламывая каменную крошку. Под ногтями второго меня появилась кровь. Его плечи дрожали, а на горле налилось чёрное пятно.

— Сейчас! — крикнул он.

Тамара дала задний ход.

Цепь натянулась второй раз. Кирпичная опора треснула у основания, выгнулась вбок и рухнула поперёк пустой половины переулка. С верхней перемычки сорвало жестяную вывеску мастерской. Она упала на старый автомобиль с таким грохотом, что с соседних балконов посыпались люди — смотреть и ругаться.

Автобус остановился.

Двигатель заглох впервые с нашего появления.

Водительница нажала на кнопку дверей.

Створки распахнулись.

Я бы хотел сказать, что дальше все дружно и красиво выбежали наружу. На самом деле первый пассажир споткнулся о ступеньку. Второй уронил пакет. Денис передавал младенца матери, а та от волнения не могла разжать пальцы. Тамара сорвала с крючка аварийный молоток и бросила его мужчине у задней двери — на случай, если створки снова решат закрыться.

Всё было некрасиво, шумно, тяжело.

И совершенно замечательно.

Корректор выронил карандаш.

Над его головой зазвенели невидимые металлические пластины. На табло вспыхнуло новое сообщение.

ОБНАРУЖЕНО НЕЗАВИСИМОЕ ПОСЛЕДСТВИЕ ОТМЕНЯЕМОГО СОБЫТИЯ.

ПОВРЕЖДЕНИЕ ГОРОДСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ ПОДТВЕРЖДЕНО ТРЕТЬИМИ ЛИЦАМИ.

УДАЛЕНИЕ РЕЙСА ТРЕБУЕТ УДАЛЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ, ВНЕСЁННЫХ В ДРУГИЕ РЕЕСТРЫ.

КОРРЕКТУРА № 18/Н: ПРИОСТАНОВЛЕНА.

Рядом с водителем, где недавно светилось «НЕ СОСТОЯЛОСЬ», вернулись цифры пробега. Появилась фамилия Тамары. На заднем стекле проступил старый рекламный слоган, который давно заклеили.

Мужчина с клетчатой сумкой оказался на тротуаре. Он оглядывался по сторонам и плакал, не издавая ни звука. Мальчик у задней двери вышел последним. Тамара взяла его

за руку. Я пересчитал людей.

Двенадцать.

Пересчитал ещё раз.

Двенадцать.

Тринадцатого, которого я видел в самом начале, среди них не было. Я попытался вспомнить его лицо, одежду, хотя бы место в салоне. Осталась только вмятина на сиденье и сумка, которую мужчина кому-то протягивал.

— Мы не всех спасли, — сказал я.

Варя не ответила. Она стояла рядом со мной и считала тех, кто вышел, двигая губами. На слове «двенадцать» остановилась.

— Кто-то успел стать поправкой, — сказала она наконец.

От этого было хуже, чем если бы она произнесла «погиб».

Тамара усадила мальчика на бордюр. Мать с младенцем благодарила её, не переставая плакать. Механик кричал о разрушенной опоре, о машине, о том, что нас всех посадят. Ася прижимала ладонь к разбитому плечу второго Северина. Он не пытался заговорить. Возможно, уже не мог.

Я отвернулся к корректору.

Он стоял среди обломков и смотрел на табло так, словно оно лично его оскорбило. Чёрный карандаш рассыпался в пыль. На рукаве засветился красный прямоугольник.

— Замечание принято, — сказал он. — Исправление будет направлено в контрольную печать.

— Подождите. Мы ничего не принимали.

— Вы заявили несогласие с пробной редакцией. Доказали наличие ошибки. Корректура обязана учесть подтверждённые замечания.

Он повернулся ко мне.

— Укажите заявителя.

— У нас есть коллективное мнение. Заявитель неизвестен.

Но на моей ладони уже стояло «ВИНОВНИК». Рядом медленно проявлялись первые буквы фамилии. Я понял, что для отчёта системе мало того, что люди спаслись. Ей требовалось записать, кто виноват в разрушенной опоре.

Если я отступлю, вина достанется Тамаре. Её только что попытались лишить двадцати двух лет жизни. Я не собирался помогать.

— Северин Илья Игоревич, — сказал я. — Это я предложил повредить ворота. Но пассажиры не виноваты. Они просто выживали.

Второй Илья резко поднял голову.

— Не надо, — выговорил он едва слышно.

Слишком поздно.

На моей ладони замерла чёрная надпись:

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕСОГЛАСОВАННУЮ КОРРЕКТИРОВКУ ПРИНЯТА.

Я почувствовал укол под кожей, словно кто-то вогнал туда канцелярскую скрепку. Боль быстро прошла. Осталось ощущение, что моё имя только что употребили без разрешения.

Корректор посмотрел на меня с новым интересом.

— В таком случае вам предоставляется право подать замечание лично. До шестнадцати часов. Дом городской печати, Приёмная предварительных редакций. Окошко без номера.

— Ну конечно, — пробормотал я. — Какое ещё окошко могло нас ждать.

Он достал из кармана маленький чёрный билет и протянул мне.

На билете значилось: «ДОПУСК НА ПРИЁМКУ. ВЛАДЕЛЕЦ: Б-000». Под строкой «основание» мигало слово «ВИНОВНИК».

Я не взял билет. Он упал на асфальт сам, приклеился к моей подошве и поднялся вместе с ногой.

— Отказ от допуска не предусмотрен, — сказал корректор.

— Впервые за день мне выдали документ, который и без рук умеет хвататься.

Секунду спустя человека в сером комбинезоне больше не

было. Он не ушёл и не растворился. Просто вся улица перестала делать вид, что замечает его.

Тамара подошла ко мне. Лицо у неё было серым от усталости, пальцы дрожали.

— Вы мне фамилию сказали? — спросила она.

— Северин.

— Северин, — повторила она, проверяя на вкус. — Я всю жизнь думала, что самое страшное — завести людей не туда. А оказалось, страшнее, когда кто-то решает, что ты их вообще не вёз.

Она взяла свой побелевший бейдж, поправила на нём булавку и прикрепила обратно к рубашке. Цифра стажа вернулась полностью.

— Возьми, — сказала она и сунула мне в руку вырванный из кассового аппарата билет. — Я за вас всех отвечаю, пока вы у меня в автобусе. А вы за меня сегодня ответили. Теперь в долг не останемся.

Я посмотрел на билет. Обычный серый прямоугольник с маршрутом, временем и тарифом. На обороте Тамара ручкой написала свой номер телефона.

— Долги у меня в основном банковские, — ответил я. — Но этот, кажется, приятнее.

Она впервые улыбнулась.

Я спрятал билет рядом с фотографией Ники.

. . .

Мы отошли от переулка, когда туда начали съезжаться настоящие аварийные службы. Настоящие — во всяком случае, насколько я мог судить по манере ругаться. Первый пожарный назвал разрушенную опору «памятником безответственности», второй попросил сигарету, третий уточнил, не задело ли людей. Вся эта знакомая человеческая суета казалась мне почти роскошью.

Ася повела нас через сквер. В заброшенном детском павильоне с выцветшими рисунками животных нашлась скамья, на которую можно было ненадолго присесть. Я сменил промокшую повязку остатками бинта из её сумки. Второй Северин сидел на полу у стены, держал ладонь под струёй воды из сломанного крана и молчал. Вода, стекая по его пальцам, становилась на мгновение чернильной.

Варя встала между нами и положила дырокол на скамью.

— Он не хотел никого калечить, — сказала она, кивнув на второго меня.

— Я знаю.

— Он хотел, чтобы автобус не исчез.

— Это я тоже знаю.

Она замолчала, словно проверяла, умею ли я слышать не только то, что сам хочу.

— Он в прошлый раз тоже всегда хотел правильно, — сказала Варя. — От этого люди потом не могли вспомнить, кем были.

Я посмотрел на человека у стены. На лице у него была

усталость не от одной схватки. Я уже начал понимать, каково это — быть вынужденным выбирать, когда все варианты плохие. Самое страшное не то, что однажды ошибёшься. Самое страшное, что потом назовёшь эту ошибку единственным возможным решением, и в следующий раз сделаешь её быстрее.

— Я ему не судья, — сказал я. — Пока.

Второй Северин поднял глаза. Кажется, он всё слышал.

Ася открыла чёрный кейс. Внутри рядом с «Редакциями города» лежал лист с отсрочкой сверки. Раньше на нём было написано «72 ЧАСА». Теперь рядом появился ещё один, чужой отсчёт.

СРОК ПРОВЕРКИ ПЕРВОИСТОЧНИКА: 71:08:44.

ДО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПЕЧАТИ: 02:19:44.

Первый продолжал идти нормально. Второй работал против нас гораздо быстрее.

— Это разные процедуры, — сказала Ася. — Наши семьдесят два часа никто не отменял. Просто после печати они начнут сверять уже не нас с прежними данными. Они заменят данные, по которым вообще определяют, кто человек.

— Значит, нас могут признать двумя разными людьми, а завтра выяснится, что людей с такими именами никогда не было?

— Именно.

— Какой тонкий способ соблюсти обязательства.

Ася коснулась своего белого глаза.

— И я вижу ещё кое-что. В городе возникают будущие коридоры. Не отдельные Сдвиги, а целые улицы. Если поправка прошла проверку хотя бы в одном месте, следующая пробует себя в соседнем. Как краска, которая впитывается в бумагу.

— Откуда начинаются следы? — спросил я.

Она указала на север, туда, где между новостройками виднелась старая телевизионная башня.

— Дом печати. Все новые дорожки тянутся от него.

Я посмотрел на билет с допуском. Он снова прилип к моей ладони. В верхнем углу проявилась маленькая печать: «ПОЛУЧЕНО ПЕРВОЕ ЗАМЕЧАНИЕ».

Второй Северин внезапно поднялся. Он забрал билет у меня, поднёс к свету. Уголки его рта дрогнули.

— Нас туда ждут, — выдавил он.

— Ты видел этот допуск раньше?

— Не такой. Но видел, как дают право возражать. Потом в отчёте пишут: гражданин участвовал в согласовании. Значит, всё, что он не успел оспорить, его устраивает.

Я почувствовал, как холодеет ладонь.

— Нас пригласили не отменить завтрашнюю редакцию, — сказал я. — Нас пригласили с ней согласиться.

Он кивнул.

Ася захлопнула кейс.

— Тогда идти туда нельзя.

— И не идти нельзя, — ответил я. — У них уже есть моя подпись. Тамара и остальные живы, но где-то записано, что именно я подтвердил поправку. Если ничего не сделать, моё молчание будет работать за меня.

Варя подняла дырокол и спрятала его в карман дождевика.

— В прошлый раз ты тоже пошёл туда, — сказала она.

Второй Северин повернулся к ней так резко, что закашлялся.

— Варя. Не сейчас.

— А потом сказал, что больше не будешь, — продолжала девочка. — Но там всё равно осталась одна вещь, которую вы не забрали.

— Какая? — спросил я.

Варя посмотрела на обоих Ильей.

— Дверь. Которую вы всё время путаете с выходом.

. . .

До Дома печати мы добрались к половине третьего. По дороге выяснилось, что Лисогорск уже учится жить завтраш-

ним днём.

В аптеке на углу исчезла вывеска «КРУГЛОСУТОЧНО», и продавщица вдруг сказала покупателям, что работала здесь всего два дня, хотя я видел её за прилавком ещё зимой. На остановке женщина ругалась с автоматом продажи билетов: тот выдавал проездные на маршруты, которых пока не было. В витрине свадебного салона манекен стоял в платье с фотографией хозяйки на груди. Под фотографией было напечатано: «БРАК НЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАН». Хозяйка закрывала витрину изнутри и плакала.

Самое мерзкое заключалось в том, что никакого грома не было. Не раскрывалось небо. Не маршировали чудовища. Просто город тихо подправлял чью-то жизнь, пока остальные покупали молоко и ждали зелёного света.

Второй Северин шёл рядом с Варей. Голос его почти не вернулся, и они объяснялись короткими жестами. Ася продолжала идти первой. Она то и дело морщилась, когда левый глаз ловил очередной несуществующий проход. Несколько раз мне приходилось хватать её за рукав, чтобы она не шагнула на проезжую часть, которая в какой-то иной версии была крытым переходом.

— Скажи, — спросил я тихо, — если бы тебе предложили вернуть полномочия, но забрать эти воспоминания, ты бы согласилась?

— Я не знаю, — ответила она. — Когда-то я уже согласилась.

— И как тебе результат?

— Шесть лет я прекрасно спала. Ни с кем не спорила о том, правильно ли засвидетельствовала чужую жизнь. Работала, получала премии. Даже купила квартиру.

— Неплохая сделка.

— А теперь выяснилось, что именно моя подпись помогла сделать вид, будто двух людей не существует. Так что мне очень хочется вернуть себе эти шесть лет и снова не знать.

Она помолчала.

— Но я не хочу снова оказаться человеком, которому удобно не знать.

Дальше мы шли молча.

Дом городской печати стоял на северной площади, за большим зданием бывшего кинотеатра. У него не было окон на первом этаже. Их места занимали витрины с образцами документов: свидетельства о рождении, разрешения на выезд, приглашения на школьные праздники, уведомления о смерти. Все образцы были заполнены одним и тем же именем: «ГРАЖДАНИН». Под датами стояло «ПОСЛЕ УТОЧНЕНИЯ».

На фасаде висели часы с двумя циферблатами. На левом было 14:36. На правом — 05:59.

Пока я смотрел, правая секундная стрелка сделала движение назад.

— Завтрашние часы, — сказала Варя. — Когда дойдут до шести, поздно будет спорить.

— Они пока идут назад.

— Потому что ещё выбирают, какое завтра будет правильным.

В центре площади стояла очередь. Человек тридцать, может больше. Обычные горожане с папками, пакетами, фотографиями. У одного мужчины были два одинаковых свидетельства о рождении, оба с разными матерями. Женщина в пуховике прижимала к груди кошку и требовала, чтобы кто-нибудь объяснил, почему у неё в квартире теперь живёт чужая семья. Маленький старик держал сломанные очки и повторял, что жена умерла в прошлом году, а теперь во всех справках написано, что он никогда не был женат.

Никто не кричал о конце света. Все стояли за талонами.

Я понял, что у города нет шансов умереть красиво. Даже при катастрофе жители Лисогорска сперва выяснят, кто последний.

Над дверью висело: «ПРИЁМ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ВОЗРАЖЕНИЙ. ПО ВОПРОСАМ СОГЛАСОВАНИЯ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ».

Ася сжала ручку кейса.

— Войдёшь только ты, — сказала она. — Билет зарегистрирован на Б-000.

— Я умею портить обслуживание коллективно.

Она посмотрела белым глазом на вход и покачала головой.

— Здесь не так, как в центре документов. Город уже сделал нас частью одной заявки. Двое Севериных, неподтвер-

ждённая Варя, аннулированный ревизор. Если войдём все, они могут потребовать решить весь пакет сразу.

Я повернулся к второму себе. Он поднял ладонь с «ОТКАЗОМ», потом опустил. Я понял: на этот раз он не собирался решать за меня.

— Сидеть здесь, — сказал я Варе. — Если я долго не вернусь...

— Мы не будем сидеть, — ответила она. — Мы придумаем, как тебя вытащить. И это не обещание. Это план.

Ничего не оставалось, кроме как одобрить деловой подход.

Я подошёл к двери. Чёрный билет сам выскользнул из кармана и лёг на считыватель. Двери раскрылись. Сразу за ними располагался большой пустой холл с неподвижным турникетом. За стеклянной перегородкой сидела женщина в голубой форме, слишком молодой для такого усталого лица. Перед ней стояла банка с карамельками. На банке было написано: «ДЛЯ ТЕХ, КТО СОГЛАСЕН».

— Цель посещения? — спросила женщина, не поднимая глаз.

— Возражение против завтрашнего дня.

— Конкретизируйте.

— Завтра мне в целом не нравится. Хотел бы другой вариант.

Она даже не моргнула.

— Ваш допуск. Фамилия, имя, отчество.

Я положил билет на стойку.

Женщина посмотрела на него, затем впервые подняла голову. Улыбка у неё была крошечная, профессиональная, и почему-то напуганная.

— А, это вы.

— Хорошо, что меня уже знают. Обычно для этого приходится что-нибудь сломать.

— Вы сломали городскую опору.

— Слава идёт впереди меня.

Она поставила на билет штамп «ЯВИЛСЯ». На стене за ней с шорохом открылась высокая панель, будто большой шкаф с выдвижными полками. В каждой лежала стопка листов, перетянутая красной нитью.

— Предварительная редакция номер десять, — сказала девушка. — Вы вправе подать одно предметное замечание. Неотозванные положения считаются согласованными присутствующим заявителем по истечении срока приёмки.

— Одно замечание? У меня уже четыре страницы претензий и очень плохое настроение.

— Замечания принимаются по отдельным пунктам.

— Тогда покажите, что там вообще понаписано.

Она указала на планшет. На нём загорелось ровно три строки:

«1. ОТКАЗ ОТ ПРЕДЫДУЩИХ МАРШРУТОВ».

«2. ПЕРЕУЧЁТ УТРАТИВШИХ ПОЛНОМОЧИЯ».

«3. СВЕДЕНИЕ НЕСОВПАДАЮЩИХ ЛИЧНОСТЕЙ».

— А полный текст?

— После согласия с порядком ознакомления.

— Что за порядок?

Она протянула мне стилус и показала маленькую клетку рядом со словом «ПОДПИСЬ».

Я изучил её. Под клеткой серым мелким шрифтом было напечатано: «Согласие с порядком ознакомления является согласием на применение поправок, не оспоренных до момента завершения приёмки».

— Красиво, — сказал я. — На месте мошенников я бы подал на вас в суд за нарушение авторских прав.

Женщина ничего не ответила. Её пальцы незаметно сжали край стола. Я вдруг понял, что она не из тех, кто придумал

эту ловушку. Она сидит внутри неё, каждый день предлагает людям карамельки и ждёт, пока они добровольно подпишут собственное исчезновение.

— Как вас зовут? — спросил я.

— Это не относится к заявлению.

— Не относится. Просто интересно, как зовут человека, который здесь работает.

После долгой паузы она сказала:

— Олеся.

— Олеся, а вы читали полный текст?

Она опустила глаза.

— Сотрудникам приёмной запрещено знакомиться с неопубликованной редакцией без служебной необходимости.

— Удобная должность. Обслуживать будущее и не иметь права узнать, какое.

Я отодвинул стилус.

— У меня замечание к порядку ознакомления. Я не могу выразить согласие с поправкой, содержание которой от меня скрывают.

Олеся замерла.

— Это не предметное замечание.

— Предметное. Предмет отсутствует. Мне нечего читать.

Она взглянула на планшет. Под строчкой о подписи возникла тонкая красная пометка, которую я видел так ясно, будто держал её под лупой. Зачёркнутое прежнее правило:

«ОЗНАКОМЛЕНИЕ С ПОЛНЫМ ОТТИСКОМ ПРЕДШЕСТВУЕТ СОГЛАСИЮ НА ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ».

Его заменили нынешним, где сперва требовали согласия, а потом выдавали текст. Но если сам текст не показали, как можно утверждать, что я ознакомился?

— Покажите старую редакцию, — сказал я. — Где можно сначала прочитать, а потом подписать.

Олеся медленно подняла на меня глаза.

— Вы не должны видеть эту строку.

— Уже поздно. Я её даже запомнил, хотя с памятью у меня сегодня не лучшие отношения.

Планшет затрещал. Система высветила вопрос:

ВОЗРАЖЕНИЕ К ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ ОЗНАКОМЛЕНИЯ.

ЗАЯВИТЕЛЬ НЕ ПОДТВЕРДИЛ ПОЛУЧЕНИЕ ПОЛНОГО ТЕКСТА.

ВЫДАТЬ КОНТРОЛЬНЫЙ ОТТИСК ДЛЯ ПРОВЕРКИ СООТВЕТСТВИЯ.

Где-то за стеной с грохотом заработала печатная машина. Олеся вздрогнула и быстро отодвинулась от стойки. Из узкой щели выползла стопка листов в серой обложке. Я схватил её прежде, чем машина передумала.

Первые страницы были перечнем мелких изменений: адресов, должностей, дорожных маршрутов, квартирных номеров. Среди них попадались человеческие судьбы. «Гражданка Е. А. Литвинова: служебная деятельность отсутствует». «Гражданин С. П. Горбунов: брачные отношения не возникали». Я пролистал дальше.

Десятки тысяч строк. Не смерть. Не переселение. Вычитка.

На предпоследней странице находился раздел «НЕСОВ-

МЕСТИМЫЕ ЛИЧНОСТИ». Там стояли два моих имени с разными номерами экземпляров. В третьей колонке вместо срока в семьдесят два часа значилось: «ПРИВЕСТИ К ЕДИНОМУ ПЕРВОИСТОЧНИКУ В МОМЕНТ ПУБЛИКАЦИИ».

— Значит, вот как, — прошептал я.

Официально нас признали самостоятельными на три дня. А завтра новое правило просто сделает это решение бессмысленным.

Внизу листа были слова «ИНИЦИАТОР ДОСРОЧНОЙ ПУБЛИКАЦИИ». Против них ничего не стояло. Только круглая пустая печать, будто кто-то вырезал имя ещё до печати.

Я перевернул последнюю страницу.

Она была озаглавлена: «ОТВЕТСТВЕННЫЕ ЗА ВЫПУСК».

Одна графа предназначалась для руководителя приёмки. Другая — для подписи лица, которое удерживает переход между редакциями. Третья — для человека, принимающего окончательные последствия.

На месте первого имени стояло «НЕ РАСКРЫВАЕТСЯ ДО ПУБЛИКАЦИИ».

На месте третьего — «ВЛАДЕЛЕЦ Б-000».

Я смотрел на эти три строки и вдруг понял, что система, возможно, вовсе не нуждается в нашем воссоединении, чтобы запустить завтрашний день. Ей нужно лишь, чтобы кто-

нибудь взял на себя результат.

Вторая графа уже была заполнена.

«СЕВЕРИНА ВЕРОНИКА ИГОРЕВНА».

Под именем стояла дата: завтрашняя.

А рядом — два слова, напечатанные красным так, словно бумагу прокололи насквозь:

«ДВЕРЬ УДЕРЖИВАЕТ».

Я не сразу услышал, как Олеся что-то говорит. Я снова видел в голове нулевую кабинку. Слышал голос сестры: «Значит, опять не получилось». Вспоминал, как второй Илья схватил меня за рукав и умолял не отвечать. Я думал, что Ника просила меня найти её.

А она всё это время удерживала что-то по ту сторону завтрашнего дня.

Сзади щёлкнул замок турникета.

Олеся прошептала:

— Вы не должны были получать последнюю страницу.

Я поднял голову. На противоположной стороне стеклянной стены стоял Греков. Ни зонта, ни помощников. Только чёрный блокнот в руке.

Он не смотрел на меня. Он смотрел на имя моей сестры.

— Теперь, — сказал Павел Миронович очень тихо, — вы понимаете, почему из нулевой кабины нельзя принимать звонки.

Мне потребовалась секунда, чтобы услышать смысл.

— Вы знали, кто там будет?

Греков впервые не нашёл готового ответа.

Он медленно раскрыл блокнот. Страница, на которой раньше красовался образец моей подписи, теперь была пустой. Из переплёта выскользнул тонкий лист — копия последней страницы оттиска. На ней третья графа уже начинала заполняться чёрными чернилами.

«ВЛАДЕЛЕЦ Б-000. СОГЛАСИЕ: ПОЛУЧЕНО В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ КОРРЕКТУРЫ».

У меня обожгло ладонь с написанным словом «ВИНОВНИК».

— Нет, — сказал я. — Я согласился отвечать за сломанную опору. Не за весь город.

— В этом и состоит проблема, — ответил Греков. — Ваша поправка доказала системе, что вы умеете принимать последствия. Ей давно нужен был такой человек.

За стеной ударили в большой типографский колокол.

Было ещё не шестнадцать.

Правая стрелка фасадных часов перескочила на одну ми-

нуту вперёд.

Из листов в моих руках выпала узкая бумажная лента. Я поднял её. На ней проступило служебное сообщение, адресованное не приёмной, не Грекову и даже не мне.

ПЕРЕХОД УДЕРЖИВАЕТ ОДИН ЧЕЛОВЕК.

ДЛЯ ДОСРОЧНОГО ВЫПУСКА НЕОБХОДИМО ОСВОБОДИТЬ ЕГО РУКИ.

ПРОЦЕДУРА ОСВОБОЖДЕНИЯ: ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЕДИНСТВЕННОГО СЕВЕРИНА ИЛЬИ ИГОРЕВИЧА.

Второй я должен был исчезнуть не потому, что система ненавидела ошибки.

Из нас двоих собирались сделать кого-то, кто сможет отпустить дверь вместо Ники.

И завтра это собирались назвать спасением города.

ГЛАВА ПЯТАЯ
Обязательный экземпляр

Я перечитал последнюю строку дважды.

ПРОЦЕДУРА ОСВОБОЖДЕНИЯ: ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЕДИНСТВЕННОГО СЕВЕРИНА ИЛЬИ ИГОРЕВИЧА.

Сначала мне захотелось порвать бумагу. Потом — Грекова. Бумага, по крайней мере, не делала вид, что ничего личного.

— То есть, — сказал я, — если нас сложить в одного, Ника сможет отпустить дверь?

Греков стоял за стеклянной перегородкой и разглядывал служебную ленту так, словно надеялся обнаружить на ней инструкцию по эвакуации самого себя.

— Именно это там написано.

— Я умею читать. Спрашиваю, это правда?

— В таких учреждениях, Северин, правда и то, что напечатано, редко оказываются одним и тем же.

Из типографских недр донёсся тяжёлый удар. Завтрашняя минутная стрелка на часах за окном дёрнулась вперёд, будто кто-то с обратной стороны потянул её за крючок.

Олеся, сидевшая за стойкой, медленно убрала руки с планшета. Её аккуратно подстриженные ногти оставили на стекле пять белых следов.

— Мне придётся зарегистрировать выдачу оттиска, — прошептала она. — Иначе он будет считаться полученным без замечаний.

— Зарегистрируйте с замечаниями.

— В графе только два варианта. «Ознакомлен» и «Возражений не имеет».

— Вы только что открыли мне любимый раздел отечественного обслуживания: выбор между плохо и очень плохо.

Греков поднял взгляд.

— Покажите ему экран, Олеся.

Она вздрогнула. Павел Миронович не повышал голоса, но у него был такой тон, каким люди приказывают холодильнику перестать шуметь. Холодильник обычно подчинялся. Я — не всегда.

Олеся повернула планшет. Там под моим именем уже стояло:

ЗАЯВИТЕЛЬ Б-000.СОГЛАСИЕ С ПОРЯДКОМ И ПОСЛЕДСТВИЯМИ: ПОЛУЧЕНО.ОСНОВАНИЕ: ДОБРОВОЛЬНОЕ ПРИНЯТИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОБЫТИЕ № 18/Н.

Внизу бежала тонкая красная строка: «До завершения предварительной приёмки: 00:48:12».

— Я принял ответственность за сломанную опору, — ска-

зал я. — В тексте указано событие с конкретным номером. Почему это превратилось в согласие на уничтожение второго меня?

— Потому что вы подтвердили способность отвечать за последствия, — отозвался Греков. — Дальше машина решила, что ответственное лицо подходит для всех последствий сразу.

— Машина — это ваш начальник?

— Иногда.

— Передайте ей, что я хочу написать жалобу на коллектив.

На планшете возникла новая кнопка: ОТОЗВАТЬ СОГЛАСИЕ.

Я уже потянул к ней палец, когда за знакомыми чёрными буквами проступила тонкая, почти стёртая строка. Её никто другой, вероятно, не видел.

«Отзыв подтверждает факт ранее добровольно выраженного согласия».

Я убрал руку.

— Даже не думайте, — сказал я.

Олеся побледнела.

— Вы увидели примечание?

— Я сегодня столько примечаний увидел, что мне пора выдавать зарплату корректора.

Греков закрыл блокнот. В его лице что-то изменилось. Теперь он смотрел не на меня, а на стену между нами, будто

пытался определить, из чего она сделана и можно ли её разобрать.

— Откройте турникет, — велел он Олесе.

— Приёмная закрыта на время фиксации результата.

— Я знаю.

— Служебный ключ не действует, если фиксация уже началась.

Греков достал из кармана небольшой чёрный ключ, вставил его в углубление у стекла. Ключ вошёл легко, повернулся и остался торчать в совершенно гладкой поверхности. На той стороне не появилось даже замочной скважины.

— Приёмная закрыта на время фиксации результата, — повторила Олеся. На этот раз с жалостью.

Он резко выдернул руку. В ладони у него осталась только пластмассовая головка. Сам ключ стена оставила себе.

— Сочувствую, — сказал я. — Государство опять оптимизирует расходы за счёт сотрудников.

— Северин. Не прикасайтесь больше ни к чему.

— Это легко. У меня и так две руки, а одна уже записана в виновники.

Тогда свет на потолке погас.

Нет, не совсем. Сначала лампы стали плоскими, как их изображения на фотографии. Потом плоским сделался стол Олеси. Из щели в стене выдвинулся металлический лоток, а на нём лежала тонкая белая папка.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР.ГРАЖДАНИН СЕВЕРИН ИЛЬЯ ИГОРЕВИЧ.ПОДЛЕЖИТ СВЕДЕНИЮ.

На обложке была моя фотография. Только плечо на ней было без повязки, а на лице не виднелось ни усталости, ни старого шрама возле брови.

— Симпатичный, — заметил я. — Такой наверняка вовремя платит за квартиру.

Из папки вытянулась бумажная полоса. Она потянулась ко мне, с хрустом разрастаясь в ширину. На ней, как на коже, проступили вены и линии пальцев.

— Не трогайте! — крикнула Олеся.

Поздно.

Бумажная кисть сомкнулась вокруг моего больного плеча. От прикосновения я вдруг вспомнил, как утром пил кофе на кухне. Воспоминание было настолько отчётливым, что я почувствовал вкус горелых зёрен. Вот только утром кофе я не пил. У меня закончился ещё вчера. А кухонный стол в этом воспоминании стоял у другого окна.

Меня потянули к папке.

Я ударил бумажную руку ребром контрольного оттиска. Страницы разлетелись, и хватка ослабла. Олеся опрокинула на лоток тяжёлую настольную печать. Металл с хрустом прижал вытянувшуюся полосу к железу.

На мгновение рука стала обычной бумагой.

— Спасибо, — выдохнул я.

— Это казённая печать, — ответила Олеся. — Завтра мне её спишут из зарплаты.

Смех вырвался сам собой. От неожиданности. От страха. От того, что в нашем городе даже перед лицом окончательного конца бухгалтерия оставалась бессмертной.

Греков прижал к стеклу раскрытый блокнот.

— Слушайте внимательно. Это не человек. Это корректурный образец вашей будущей биографии. Он не может занять ваше место, пока у вас есть действительный документ о сегодняшнем присутствии. Держите оттиск при себе.

— А если оттиск заберут?

— Тогда ваш сегодняшний день станет черновиком.

Бумажные пальцы под печатью зашевелились. На моём запястье три нуля почернели, будто их заново обвели тушью.

Через стекло я видел площадь. Ася стояла у входа с чёрным кейсом. Варя тянула её за рукав, указывая на фасад. Рядом со вторым Ильёй прохаживались люди с папками. Никто из них пока не заметил, что из витрин Дома печати начали медленно выходить белые листы.

Не лететь. Идти.

Они складывались в подобие фигур с руками и головами. У некоторых на груди были даты рождения. У других — адреса. Одна фигура несла на месте лица свидетельство о браке.

Мужчина в очереди засмеялся, увидев собственную фамилию на бумажной груди. Секундой позже перестал смеяться: под датой его свадьбы появилось слово «АННУЛИРОВАНО». Он посмотрел на женщину рядом, и я увидел, как в его глазах исчезает узнавание.

— Греков! — закричал я. — Снаружи ваши экземпляры выбирают покупателей!

Он обернулся и впервые за всё время выругался.

Олеся посмотрела на маленькие часы над стойкой.

— Так рано не должно быть, — сказала она. — Выборка проводится после приёмки, не до неё.

— Звучит как та самая ошибка, которой я могу заинтересоваться.

— Нет. — Она схватила меня за рукав. — Пока они печатаются, процедура ещё обратима. Когда получат лица, они станут действующими гражданами. А люди, чьи лица они займут…

Она не закончила.

И не потребовалось.

За стеклом женщина с кошкой прижала животное к груди. Напротив неё стояло бумажное подобие самой женщины, только на руках у него была не кошка, а фотография младенца. Настоящая женщина закрыла глаза. Когда открыла, кошка выскользнула из её пальцев. Женщина смотрела на неё без малейшего понимания, почему держала в руках чужое животное.

— Где у вас выключатель? — спросил я.

— У печати нет выключателя. Есть порядок выпуска.

— Прекрасно. Значит, нам понадобится нарушить порядок.

. . .

Я не сразу понял, что делает Греков.

Он стоял по ту сторону стекла и быстрыми движениями вырывал страницы из блокнота. Каждую подписывал, прижимал к стеклу и отпускал. Бумага прилипала, будто между нами висело невидимое электричество.

Сначала я разобрал только три слова: «ОСТАНОВИТЬ ПРОБНУЮ ВЫБОРКУ».

Потом — основание: «Распоряжение службы подтверждения».

На третьем листе его фамилия стала серой. На четвёртом исчезло слово «служба».

— Хватит! — крикнула Олеся. — Вы не уполномочены отменять действия городской печати!

— Я не отменяю, — ответил Греков сквозь зубы. — Я регистрирую служебное возражение.

— Служебное возражение существует только до момента предварительной приёмки.

— Я знаю, чёрт возьми!

Последний лист впитался в стекло. За его спиной послышался звон — тонкий, почти приятный. С площади исчезла одна бумажная фигура. Две другие остановились. Всё остальное продолжило двигаться.

Греков отступил, прижимая ладонь к груди. На лацкане его пальто темнела пустая прорезь там, где ещё минуту назад был служебный значок.

— Это задержит выборку на семь минут, — сказал он.

— Вы пожертвовали должностью?

— Нет. Только правом отдавать приказы в этом здании. Должность у меня пока ещё есть. И пусть попробуют не заплатить за сегодняшний день.

Я хотел ответить, но увидел, как бумажная папка на лотке раскрывается снова. Рука сдвигала печать миллиметр за миллиметром. Внутри лежал плотный лист, похожий на снимок человеческого тела. По всему листу проступали строки чужих решений, разбросанные по моим плечам и груди:

«Не входил в центр документов».«Не находил заявление Вероники».«Не возвращал людей из рейса № 18».«Восстановлен в единственном экземпляре».

Меня собирались не убить. Меня собирались сделать человеком, который ничего из этого не совершал.

— Асе нужно знать, — сказал я. — Как связаться с площадью?

— Служебный переговорный канал отключён, — ответила Олеся.

— А обычный?

— Обычных тут нет.

Я указал на щель для выдачи контрольных оттисков.

— Бумага туда проходит?

— Конечно.

— Тогда и обратно пройдёт.

— Обратно — запрещено.

— Прекрасная традиция. Я тоже когда-то считал, что кви-

танции нужны исключительно, чтобы их потерять.

Я сорвал с оттиска чистый разделительный лист. Написал на нём три коротких слова: «АСЯ. НЕ ВЕРЬ КОПИЯМ». Потом подумал, что это слишком расплывчато для человека, который видел, как город меняет людей прямо перед глазами, и дописал: «ГРЕКОВ НА СЕМЬ МИНУТ ПРИТОРМОЗИЛ. УВОДИ ЛЮДЕЙ ОТ ВИТРИН. ПРИШЛИ СВИДЕТЕЛЕЙ».

Олеся смотрела на меня с выражением, какое бывает у работников, когда клиент самостоятельно изобретает новый способ испортить регламент.

— Оттиски выдаются только наружу после регистрации.

— А этот уже выдан, — сказал я. — Значит, обратно не принимаете?

— Не принимаем.

— Отлично. Он остаётся на мне.

Я приложил лист к внутреннему отверстию выдачи. Машина задумалась, жалобно зажужжала и выплюнула его наружу вместе со стопкой каких-то пустых бланков.

На площади Варя первой заметила мой лист. Она побежала к витрине, схватила его и развернула. Я видел, как она читает. Потом подняла голову, нашла меня за стеклом и показала дырокол.

Я поднял большой палец.

Она покачала головой.

Варя не умела утешать. Зато могла одним движением объ-

яснить, что идея у меня, по её оценке, идиотская.

За её спиной второй Илья подошёл к одной из бумажных фигур. На груди у той возникло его имя. Наше имя. Одинаковая подпись в нижнем углу листа делала их похожими больше, чем нас самих.

Он не стал бить её. Только поднял ладонь с тёмным словом «ОТКАЗ».

Фигура остановилась.

Чёрные буквы на его ладони налились кровью. Вокруг фигуры начали выступать другие листы, каждый с нашим лицом, чуть отличающимся от предыдущего. Второй Илья закашлялся. Он удерживал их на месте, но, судя по тому, как быстро потемнела его рубашка у воротника, надолго его не хватит.

— Есть способ отменить моё согласие, не признавая, что я давал его? — спросил я Олесю.

Она оглянулась на дверь в глубине приёмной. Дверь была серой, обычной, с латунной табличкой «СЛУЖЕБНОЕ ПОМЕЩЕНИЕ». На табличке недавно появилась новая надпись, отпечатанная красным:

ОТДЕЛ ВОСПРОИЗВОДСТВА ПОДТВЕРЖДЁННЫХ СОГЛАСИЙ.

— Там хранятся основания, — сказала Олеся. — Первичные листы, с которых делают копии. Их запрещено выдавать

заявителям.

— Почему?

— Если увидят первичные листы, некоторые копии могут оказаться недостоверными.

Я посмотрел на неё.

— Вы сами слышите, что говорите?

Она горько улыбнулась.

— Я здесь восемь лет работаю. Думаете, мне легко всё это повторять?

На столе вновь зашевелилась бумажная рука.

Внешняя дверь была заперта. Греков больше не мог приказывать. За стеклом мой двойник сдерживал уже пятерых бумажных людей и заметно слабел. До окончания задержки оставалось меньше шести минут.

Я взял казённую печать за ручку и поднял над папкой. Потом на всякий случай сунул её в карман куртки — почти полкило государственного веса на случай, если понадобится спорить с государством.

— Тогда пойдём посмотрим на первоисточники.

— Вы не имеете допуска.

— Олеся, меня сегодня объявили ответственным за последствия конца света. Это, кажется, чуть выше вашего допуска.

Она потянулась к связке ключей и замерла.

— Если открою, меня уволят.

— Возможно.

— А если не открою?

Я посмотрел на площадь.

— Может быть, завтра вас просто перепишут человеком, который никогда тут не работал. И даже не узнаете, за что получали зарплату последние восемь лет.

Олеся медленно вынула ключ.

— Вы ужасно умеете убеждать.

— Было бы ещё чем убеждать арендодателя.

Замок щёлкнул.

За дверью пахло горячим металлом, краской и мокрым картоном. Этот запах успел просочиться на площадь ещё до того, как мы увидели Дом печати. Здесь он был таким густым, что воздух казался разлитым из банки.

Узкий коридор вёл вниз. Вдоль стены бежала цепь конвейера. На её металлических зубцах висели документы — свидетельства о рождении, трудовые книжки, справки о браке, больничные листы. Они шли вверх, к приёмной, и чем дальше двигались, тем меньше походили на документы. На одной трудовой книжке появлялись пальцы. Другой лист начинал дышать. Из сложенного вчетверо свидетельства высунулась прядь чёрных волос.

— Если это обязательные экземпляры, — спросил я, — зачем их выпускать раньше времени?

— Их не выпускают, — сказала Олеся. — Сначала пробуют, какая биография подойдёт к уже существующему человеку. Потом устанавливают соответствие.

— А если человек против?

— Система считает, что он ещё не знает, кем должен быть.

Сверху по трубе протянулся чей-то крик. Не испуганный, а возмущённый, как в телефонном разговоре с очень плохой службой доставки:

— Я двадцать три года женат! Где моя жена?!

Крик обрезался на полуслове. Конвейер дёрнулся, будто получил новую команду.

— Понимаете, — тихо сказала Олеся, — это не сами люди. Это возможные варианты. Иногда лучше тех, которые были.

Она указала на один из листов. Я увидел на нём её фотографию: волосы длиннее, глаза смеются. Рядом стояла невысокая девочка с красным бантом. Подпись гласила: «Полякова Олеся Викторовна. Дочь — Марта, шесть лет».

Настоящая Олеся так сильно побледнела, что мне стало страшно.

— У меня нет дочери, — сказала она.

Я хотел ответить, но она подняла ладонь.

— Нет. Не спрашивайте почему. Я знаю, что там будет написано. В одной из редакций она у меня есть. В другой — нет. Я работаю здесь восемь лет, потому что мне сказали: если я буду делать всё правильно, когда-нибудь выберут хорошую.

По конвейеру прошла ещё одна фотография. Девочка с красным бантом смеётся, держа в руках кривой бумажный

кораблик.

Олеся смотрела на неё так, как я смотрел на Нику в старой фотографии.

И я вдруг понял, почему она не ушла отсюда после первого же дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.